

На правах рукописи

Омаров Артур Абдулагаджиевич

**СОМАТИЧЕСКИЙ КОД КУЛЬТУРЫ
В ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ КАРТИНАХ МИРА
(на материале даргинского и арабского языков)**

10.02.02 – языки народов Российской Федерации
(кавказские языки)

10.02.19 – теория языка

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

НАЛЬЧИК
2022

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Дагестанский государственный университет»

Научный консультант: **Гасанова Салминат Нурадиновна,**
доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет»

Официальные оппоненты: **Темирбулатова Сапияханум Муртузалиевна**
доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела лексикологии и лексикографии ФГБУН Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского федерального исследовательского центра РАН

Алимурадов Олег Алимурадович,
доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры западноевропейских языков и культур ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»

Буянова Людмила Юрьевна,
доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и славяно-русского языкознания ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Ведущая организация: **ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет»**

Защита диссертации состоится « 15 » сентября 2022 г. в 13.00 часов на заседании диссертационного совета Д.212.076.05 в ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова» по адресу: 360004, Нальчик, ул. Чернышевского, 173, диссертационный зал.

С диссертацией и авторефератом можно ознакомиться в научной библиотеке КБГУ по адресу: 360004, КБР, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173 и на сайте государственного университета: <http://www.kbsu.ru>, а также на сайте ВАК Минобрнауки РФ: <http://www.vak.minobrnauki.gov.ru>.

Автореферат разослан « 20 » мая 2022 г.

**Ученый секретарь
диссертационного совета**

Т.А. Чепракова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемое диссертационное исследование посвящено исследованию соматических фразеологических единиц двух генетически далеких, типологически различных даргинского и арабского языков, что позволит выявить в них как межъязыковые тождества, так и уникальность фразеологической картины мира.

Характерной чертой лингвистических исследований последних десятилетий стал повышенный интерес к проблемам взаимосвязи языка и культуры. Активные процессы, происходящие сегодня в мире в связи с глобализацией, все возрастающие контакты представителей различных культур привели к усилению внимания к процессам межкультурной коммуникации и к носителю языка как представителю определенной культуры, к способам языкового выражения этнического менталитета. «Вся глубина проблем межъязыковой и межкультурной коммуникации становится особенно наглядной при сопоставлении иностранных языков с родными и чужой культуры со своей родной, привычной» [Тер-Минасова 2002: 101].

В этом аспекте особый интерес представляют соматические фразеологические единицы – наиболее устойчивый, культуруноносный пласт языка. Соматическая лексика, продуктивно участвующая в фразеообразовании и вторичные значения соматизмов в составе фразеологических единиц, отражают не только специфику наивной картины мира человека, но и особые культурные смыслы, традиции, обычаи, уклад жизни и быта, что позволяет отнести их к одним из самых национально-специфичных областей языка.

Несмотря на активизировавшиеся в последнее десятилетие исследования по фразеологии дагестанских языков, в том числе и в сопоставительном плане, все еще остаются почти неразработанными лингвокультурологические аспекты изучения фразеологии, особенно с привлечением материала арабского языка.

Актуальность настоящего исследования обусловлена недостаточной разработанностью проблем изучения фразеологических единиц даргинского языка, отсутствием монографических исследований, посвященных лингвокультурологическому исследованию соматических фразеологических единиц даргинского языка в сопоставлении с арабским, с учетом отражения в них специфики культурных кодов, структурно-семантической эквивалентности СФЕ, тождества или специфичности репрезентируемых ими фразеологических образов. Актуально значимой является проблема определения универсальных и этноспецифических особенностей в фразеологических системах даргинского и арабского языков, которая находится в русле общетеоретической проблемы взаимосвязи языка и общества, взаимоотношений языка и национальной культуры, языка и национального сознания – одной из фундаментальных проблем современного языкознания.

Анализируемые в аспекте универсальности и этноспецифичности соматические фразеологические единицы представляют интерес и с точки зрения уникальности метафорических образов, отражающих как особенности восприятия окружающей действительности носителями того или иного языка, так и оценочную характеристику человека. Почти весь корпус анализируемых в данной работе соматических фразеологических единиц имеет антропологическую направленность.

Степень разработанности темы исследования. Специальных исследований, посвященных изучению СФЕ даргинского и арабского языков, нет. На материалах фразеологии даргинского и русского языков в сопоставительном плане выполнены работы Г.К. Гацайниевой [2007], Э.М. Магомедовой [2013], даргинского и английского языков С.Д. Мирзахановой [2009], П.М. Абдулкадыровой [2010], М.О. Махмудова [2016], даргинского, английского и арабского языков М.Г. Гаджиалиевой [2017]. Исследованию фразеологии сирхинского диалекта даргинского языка посвящена работа П.М. Габибуллаевой [2011], лексика и фразеология даргинского языка рассматриваются в кандидатской диссертации Г.Х. Ибрагимовой [2009]. Более подробный анализ этих и других работ по фразеологии дагестанских и арабского языков дается в первой главе.

Данное исследование – первый опыт системного изучения СФЕ двух разносистемных языков, который, на наш взгляд, представляет собой большой интерес как для разработки общей теории фразеологии, так и для изучения общих и национально-специфических особенностей в фразеологических картинах мира даргинского и арабского языков.

Объектом диссертационной работы являются соматические фразеологические единицы даргинского и арабского языков.

Предмет исследования настоящей диссертационной работы – соматический код культуры в языковой картине мира даргинского и арабского языков, лексико-семантические, этнолингвистические особенности СФЕ данных языков.

Материалом исследования послужили 2202 СФЕ (1354 в даргинском языке и 848 – в арабском), извлеченные методом сплошной выборки из лексикографических источников даргинского и арабского языков.

Цель работы – на основе лингвистического и лингвокультурологического анализа выявить этноспецифические коды культуры в семантике СФЕ исследуемых языков, а также определить общее и национально-специфическое в этническом восприятии даргинцами и арабами экстралингвистической реальности, вербализованной в СФЕ.

Реализация поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

1) выработать теоретическую и методологическую основы для комплексного исследования СФЕ в даргинском и арабском языках и осуществить выборку соматических фразеологических единиц в данных языках;

2) установить семантическое пространство соматизмов в даргинском и арабском языках и определить этнокультурную значимость данного пространства и составляющих его микросистем, формирующихся на базе СФЕ;

3) выработать критерии классификации и представить тематическую классификацию различных по субстанциональной природе знаков, отражающих лингвокультурную интерпретацию;

4) выявить и описать общие и специфические семантико-культурологические особенности соматических фразеологических единиц в даргинском и арабском языках;

5) выявить культурные коды фразеологических основ СФЕ в исследуемых языках и установить особенности репрезентации культурно значимых смыслов в СФЕ исследуемых языков;

6) выявить эквивалентные СФЕ и состав лакунарных СФЕ в даргинском и арабском языках.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые комплексно в аспекте установления этноспецифического и универсального рассматриваются соматические фразеологические единицы даргинского и арабского языков. Впервые на материале даргинского и арабского языков выделяются зооморфный, пространственный, темпоральный, предметный, растительный, числовой и цветовой культурные коды. Впервые осуществляется комплексный анализ семантического пространства 35 соматизмов в даргинском и арабском языках и выявляется национально-культурная значимость исследуемого фразеосемантического пространства и составляющих его микросистем, формирующихся на основе соматических единиц, с представлением тематической классификации фразеосемантических полей.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что материалы диссертации вносят существенный вклад в разработку теоретических вопросов фразеологических систем разноструктурных языков и расширяют методы лингвокультурологического анализа. Комплексный анализ СФЕ и описание их с лингвокультурологической точки зрения, позволяющий раскрыть фразеологическую картину мира данных языков, может послужить основой для дальнейших общетеоретических исследований фразеологии разноструктурных и генетически разных языков.

Результаты работы могут послужить определенной перспективой для разноаспектных исследований по фразеологии дагестанских и арабского языков.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что вовлеченный в научный анализ обширный фразеологический материал может быть использован в практике преподавания лексики, фразеологии даргинского и арабского языков в вузе и школе, в преподавании курсов общей теории языка, сопоставительной грамматики, сравнительной типологии, лингвокультурологии, психолингвистики, межкультурной коммуникации, лингвострановедения. Прикладная значимость работы заключается также и в том, что материалы диссертации могут быть использованы при составлении учебников и учебных пособий по даргинскому и арабскому языкам, а также идеографических и других лексикографических источников.

Методы исследования. Применяемые в работе методы и приемы обусловлены целью и исследовательскими задачами настоящей работы: метод сплошной выборки, сопоставительный метод, позволяющий выявить специфическое и тождественное во фразеологической картине мира даргинского и арабского языков, описательный метод, метод семантического анализа СФЕ, лингвокультурологический метод, направленный на изучение взаимосвязи и взаимодействия языка и культуры, а также статистический метод.

Теоретико-методологической базой диссертационного исследования послужили работы ведущих отечественных и зарубежных лингвистов, занимающихся исследованиями в области:

1) фразеологии и этнолингвистики – Н.Ф. Алефиренко, Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова, В.В. Виноградова, В.Г. Гак, В. Гумбольдта, С.Н. Гасановой, А.Г. Гюльмагомедова, В.И. Карасика, Е.С. Кубряковой, В.М. Мокиенко, В.П. Солодуба, И.А. Стернина, В.Н. Телии, В.Д. Ушакова, А.А. Уфимцевой, А.И. Федорова,

Н.М. Шанского, А.И. Эмировой; Ар-Рагиб Аль-Асфхани, Ибрагим Ан-Наззам, Ибн Абду Рабу и др.;

2) сопоставительной фразеологии (в том числе и паремиологии) – Е.Ф. Арсентьевой, О.С. Ахмановой, А. Вежбицкой, Н.Э. Гаджихмедова, М.А. Гасановой, Ф.Н. Гукетловой, Ю.Д. Долгополова, А.В. Исаченко, Н.Н. Кирилловой, А.В. Кунина, Е.В. Кухаревой, А.Д. Райхштейна, Э.М. Солодухо, Д.С. Самедова, С.Г. Тер-Минасовой, Г.Ш. Шарбатова, Т.А. Шайхуллина, Ибн Салям Аль-Азди, Имиль Якуб, Ибн Кайим Аль-Жаузи, Мунир Аль Ба'лябаки, Марун Абуд и др.;

3) лингвокультурологии – З.Х. Бижевой, Д.Б. Гудкова, Д.О. Добровольского, В.В. Красных, В.А. Масловой, С.М. Толстой, Н.И. Толстого, Е.С. Яковлевой, Саты Аль-Хусри, Аль-Калькашанди и др.

Гипотеза исследования основана на предположении о том, что лингвистический и лингвокультурологический анализ даргинских и арабских СФЕ с позиций антропоцентризма позволит глубинно раскрыть этноспецифические коды культуры в семантическом пространстве СФЕ даргинского и арабского языков и выявить как стратегии фиксации схожих образных представлений, так и этноментальные особенности вербализации национально-культурных смыслов, заключенных во внутренней форме исследуемых единиц. В процессе функционирования в речи образная основа фразеологизма, ее внутренняя форма и актуализируемое значение базируются на названиях соматизмов и проявляют субстанциально заложенный в них фразеобразующий потенциал в зависимости от специфики соотношения структуры и лингвокультурологического содержания материала, имеющего антропоцентричный характер.

Положения, выносимые на защиту:

1. Соматические фразеологические единицы как экспоненты культурного знания отражают наивную и ценностную картины мира, ментальность носителей языков и служат трансляторами национальных традиций, обычаев, отношений к миру, истории и друг другу. Исследование этнонациональных признаков ФЕ даргинского языка наиболее эффективно проводить на основе привлечения в качестве фонового материала другого, отличающегося по структуре языка. Именно этот аспект изучения ФЕ дает возможность выявить универсальное и этнонациональное в структурно-семантической и национально-культурной специфике ФЕ даргинского и арабского языков и на основе этого сформулировать общетеоретические выводы.

2. В соматических фразеологических единицах даргинского и арабского языков в качестве ядерных или периферийных компонентов функционируют 35 наименований частей тела человека.

Сходство семантического пространства наиболее частотных соматизмов в даргинском и арабском языках объясняется одинаковыми прототипическими ситуациями при вербализации тех или иных понятий, а также сходством архетипических представлений о частях тела.

3. Семантическое пространство СФЕ даргинского и арабского языков репрезентирует высокую степень метафоризации как внешних, так и внутренних органов человека, демонстрирующих как схожие, связанные с их физиологическими функциями, так и уникальные национально-культурные образы и смыслы, которые формируются на основе предметных и пространст-

венных метафор, чем и обусловлена широкая представленность глагольных и адвербиальных ФЕ, а также существительных и прилагательных, эксплицирующих данный концепт.

4. Тематическая классификация СФЕ в даргинском и арабском языках позволила установить как степень фразеобразовательной активности тех или иных соматизмов, так и их семантический потенциал. Антропоцентрическая парадигма восприятия мира носителями даргинского и арабского языков обуславливает широкое использование в даргинской фразеологической системе соматической лексики *сердце, голова, глаз, рука, рот, лицо, нога, язык*, а в арабской – соматизмов *глаз, сердце, рука, голова, лицо*. Основной причиной различного членения объективной действительности в разных языках является то, что определенные предметы, явления имеют большее значение для одного народа, чем для другого.

5. Лингвокультурологический анализ СФЕ позволяет нам погрузиться в прототипические пласты языка, дающие возможность выявления, интерпретации имплицитных и эксплицитных смыслов фразеологизмов как знаков культуры. Исследование специфики ФЕ в рамках соматического лингвокультурного кода позволяет установить своеобразие миропонимания даргинцев и арабов, а также механизмы соотнесения содержания ФЕ с теми или иными культурными феноменами, актуальными для данных этносов.

6. Кодирование культурного пространства посредством знаков-символов человек начинает с самого себя. Первичная языковая семантика соматизма в составе СФЕ дополняется культурной семантикой. Символика тех или иных соматизмов отражает культурные коды, ментальные образы, стереотипы носителей даргинского и арабского языков.

7. Имеющийся в нашей картотеке материал СФЕ позволил выделить зооморфный, пространственный, темпоральный, предметный, растительный, числовой и цветовой коды. Несмотря на то, что арабский язык является языком религии носителей исследуемых языков, наш материал не обнаружил СФЕ, отражающих религиозный код культуры, за исключением единичных примеров в даргинском языке.

8. Наибольшие расхождения в даргинском и арабском языках обнаруживают СФЕ зоонимического, растительного, предметного кодов культуры. Они связаны со знаниями носителей языка в той или иной области, национально-специфическими образами восприятия действительности, а также с традиционными занятиями, ремёслами.

9. Основным критерием при выявлении межъязыковых эквивалентов является семантический, так как различия внешней стороны, структурно-грамматических особенностей в исследуемых разноструктурных языках очевидны. При определении степени полноты тождества (полной или частичной эквивалентности) учитываются и структурные особенности СФЕ. Полные межъязыковые эквиваленты ФЕ в даргинском и арабском языках составляют небольшое количество и представлены именными и глагольными структурами. Частичные межъязыковые эквиваленты ФЕ различаются структурной организацией при идентичной образной основе. Самой высокой коммуникативной значимостью и наиболее существенными этнокультурными признаками обладают фразеологизмы, структурно-семантическая эквивалентность которых в даргинском и араб-

ском языках не совпадает, что говорит о своеобразии и индивидуальности образного мышления носителей даргинского и арабского языков.

10. На основе структурно-семантического анализа установлены эквивалентные СФЕ, фразеологические аналоги, безэквивалентные, лакунарные единицы. Наибольшую продуктивность обнаружили фразеологические аналоги, а также СФЕ с частичной эквивалентностью, что позволяет сделать вывод о том, что общечеловеческий характер функций соматизмов, их первичные значения формируют схожие для данных лингвокультур понятия.

11. Значительный пласт лакунарных ФЕ демонстрирует культурно-национальные особенности, отражение реалий, характерных для исконного ареала проживания данных этносов, исторических событий, мифов, ремёсел и т.д. Функционирование лакунарных фразеологических единиц детерминировано не только экстралингвистическими, но и лингвистическими факторами – своеобразием вербальной объективации мира и несовпадением языковых систем.

Степень достоверности и апробация результатов.

Основные результаты исследования обсуждались на заседаниях кафедры теоретической и прикладной лингвистики и кафедры арабского языка, на годичных сессиях ДГУ (2018–2021 гг.) и нашли отражение в материалах международных, всероссийских научно-практических конференций (Грозный, 2018 г., 2019 г.; Петрозаводск, 2020 г., 2021 г.; Махачкала, 2021 г.; Ростов-на-Дону, 2021 г.).

Основные положения диссертации отражены в 33 публикациях, в том числе 1 монографии и 32 статьях, из которых 21 статья опубликована в журналах, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ.

Материалы диссертации внедрены в научно-исследовательскую практику и учебный процесс в ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет».

Объем и структура работы определяются поставленными в ней целью и задачами. Диссертация объемом 485 страниц состоит из двух томов (том 1 – 304 страницы; том 2 – 181 страница).

Первый том диссертации состоит из введения, четырех глав, заключения, списка литературы, списка лексикографических источников и списка сокращений. Библиографический список содержит 315 наименований научных и лексикографических изданий, послуживших базой эмпирического материала.

Во **введении** обоснованы актуальность и новизна диссертационной работы, определены основная цель и задачи, выдвинута гипотеза исследования, отмечена теоретическая и практическая значимость работы, описаны источники, сформулированы объект и предмет исследования, методы, используемые в работе, изложены основные положения, выносимые на защиту.

В **первой главе «Теоретические основы исследования соматической фразеологии в даргинском и арабском языках»**, состоящем из пяти разделов, рассмотрены актуальные вопросы фразеологии в русле современных проблем антропоцентрической парадигмы, культурные смыслы в фразеологии, исследованы вопросы языковой картины мира, дан обзор и анализ научных работ, посвященных исследованию вопросов фразеологии в дагестанских (в частности в даргинском языке) и арабском языках.

Во второй главе «Тематическое пространство соматических фразеологических единиц в даргинском и арабском языках» проведена тематическая классификация СФЕ, дается анализ СФЕ, направленный на выявление общего и отличительного в языковой картине мира даргинцев и арабов, предпринята попытка интерпретации внеязыкового содержания, прототипических ситуаций, которые составляют мотивационную базу семантики СФЕ исследуемых языков.

Третья глава «Вербализация культурных кодов в СФЕ даргинского и арабского языков» посвящена подробному анализу СФЕ в исследуемых языках с целью установления особенностей вербализации культурных смыслов в зооморфном, пространственном, темпоральном, предметном, растительном, числовом и цветовом кодах. Наряду с универсальной символикой, связанной с отражением в СФЕ схожих образов и символов, выявлены и уникальные, этноспецифические особенности культурных смыслов.

В четвертой главе «Типология межъязыковых соответствий СФЕ в даргинском и арабском языках» исследованы вопросы межъязыковой эквивалентности, выявлены полные эквиваленты, частичные (с морфологическим, лексическим варьированием), фразеологические аналоги и безэквивалентные СФЕ.

В заключении подведены итоги работы и обобщены результаты проведенного исследования.

Второй том диссертации содержит 35 приложений-таблиц и перечень даргинских и арабских СФЕ, послуживших эмпирической базой для исследования.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В первой главе «Теоретические основы исследования соматической фразеологии в даргинском и арабском языках» анализируются вопросы изучения фразеологии в русле современной антропоцентрической парадигмы. В рамках исследуемой проблемы рассматриваются проблемы фразеологической картины мира, отражения культурных смыслов в ФЕ, прослеживаются вопросы истории разработки фразеологии в дагестанских и арабском языках.

В разделе 1.1. «Актуальные вопросы изучения фразеологии в русле современной антропоцентрической парадигмы» отмечается, что в лингвистике с конца XX века возрождается интерес к отражению в ней человека, в связи с чем происходит «дрейф интереса от того «Как язык связывает человека с Действительностью?» к тому «Как язык связывает Человека с действительностью?» [Николаева 1995: 379].

Язык – один из самых ярких показателей этноса. В нем отражается и сохраняется специфика мировидения и мировосприятия, ценностные ориентиры, присущие той или иной культуре. Особую актуальность исследования в этом направлении приобретают в условиях сегодняшней глобализации, когда при стремительно развивающихся международных контактах возникает необходимость не только в знании иностранных языков, но и более глубоком изучении чужой культуры.

Фразеология – один из наиболее актуальных объектов современных антропоцентрических исследований. Частотность обращения к фразеологизмам

объясняется тем, что в этих единицах, наряду с паремиологическими единицами, в наибольшей мере проявляется субъективный человеческий характер.

Фразеологическая картина мира – это фрагмент языковой картины мира, который представлен фразеологическими единицами, отражающими экстралингвистические, этнические и языковые особенности конкретного языка.

Раздел 1.2. посвящен исследованию вопросов языковой картины мира как способа культурологического анализа языка.

В рамках антропоцентрической парадигмы образовалось направление, в котором, по мнению О.Ю. Куцевой, язык исследуется «как «зеркало» человека, базовым для него является изучение языковой картины мира, а основной задачей – изучение того, как человек отражает себя в языке» [Куцева 2006].

Различные аспекты языковой картины мира рассматриваются в работах отечественных лингвистов (С.Г. Воркачев, В.В. Воробьев, В.И. Карасик, В.А. Маслова, В.Н. Телия, С.Г. Ольшанский, А.Т. Хроленко, А. Зализняк, Н.И. Толстой, С.М. Толстая, В.Н. Топоров, А.С. Герд, С.Е. Никитина, М.М. Копыленко, А.Ф. Журавлёв, В.Н. Колесов и др.).

В каждой культуре слова, помимо своего общезыкового значения, имеют еще особые значения как знаки вторичной знаковой системы, которые не всегда отражаются в толковых словарях. Наиболее ярко национальную специфику того или иного языка выражает система образов, закреплённая за фразеологическим корпусом конкретного языка.

К базовым понятиям лингвокультурологии ученые относят такие, которые способствуют наиболее максимальному раскрытию национальной специфики. Исходя из этого, в актив лингвокультурологии включают следующие понятия: лингвокультура, культурная область, языковая картина мира, менталитет, лингвокультурный концепт, смысл [Бутенко 2008: 323].

Раздел 1.3. «**Культурные смыслы в фразеологии**» посвящен исследованию вопросов отражения в языке культуры того или иного этноса. Усваивая чужой язык, человек одновременно входит и в новую, другую национальную культуру, получает доступ к духовному богатству, накопленному изучаемым языком.

Определяя содержание термина «культура», В.В. Красных, И.А. Бубнова, вслед за В. Телией, отмечают, что это «... мировидение, мироощущение и миропонимание некоторого сообщества, ... в которых отражается и закрепляется то, как представители данного сообщества видят, ощущают, понимают и интерпретируют, оценивают и, по возможности, объясняют (в первую очередь для себя) окружающий мир. Культура, с одной стороны, способна трансформироваться и изменяться, с другой – воспроизводиться и сохраняться» [Красных, Бубнова 2015: 171].

Одним из важнейших определений, характеризующих культуру, Ю.М. Лотман считает то, которое «характеризует ее как «негенетическую» память коллектива. Культура есть память. Поэтому она всегда связана с историей, всегда подразумевает непрерывность нравственной, интеллектуальной, духовной жизни человека, общества и человечества» [Лотман 1994: 3].

Понятие «культурный код» все чаще встречается в исследованиях последних десятилетий, связанных с проблемами отражения в языке этнических особенностей культуры. Термин «код» в лингвистику впервые был введен

Р.О. Якобсоном для анализа поэтических текстов [Якобсон 1975]. А термин «культурный код» одним из первых в отечественной филологии применил Ю.М. Лотман также для анализа художественного произведения [Лотман 1994]. В лингвокультурологии термин «культурный код» впервые использовала В.Н. Телия в значении «совокупность окультуренных представлений о картине мира того или иного социума» [Телия 1999: 21].

Ученые отмечают отсутствие единой классификации лингвокультурных кодов, что отражается и на количестве выделяемых кодов, и на их именовании. Некоторые базовые коды культуры играют важную роль при межкультурном общении, так как именно эти единицы являются наиболее устойчивыми трансляторами культуры конкретного этноса. Соматический код, как наиболее древний из существующих, стоит на первом месте» [Красных 2001: 5].

В разделе 1.4. «**Фразеология дагестанских языков: история изучения, современное состояние и проблемы**» анализируются работы ученых, создавших основу разработки отечественной фразеологии, а также прослеживается история разработки и современное состояние исследования фразеологии дагестанских языков.

Соматическая фразеология дагестанских языков, как и сама фразеология в целом, стала объектом специальных исследований с 70-х годов XX столетия, хотя сам фразеологический материал и был отражен, начиная с XIX в., в приложениях к описательным грамматикам, очеркам по дагестанским языкам (П.К. Услар, А. Дирр, Р. Эркерт и др.).

Основателем дагестанской школы фразеологии является А.Г. Гюльмагомедов, труды которого и работы его последователей положили начало глубокому и всестороннему анализу фразеологического и паремиологического материала дагестанских языков. Под ФЕ А.Г. Гюльмагомедов понимает сверхсловную во всех парадигматических формах, воспроизводимую и общеупотребительную единицу [Гюльмагомедов 1978: 9]. Ученый в своих трудах поднимает вопросы, актуальные не только для дагестанских языков, но и для русского языка. Так, например, проблема функционирования и сочетаемости фразеологических единиц; впервые вводятся в понятийный ряд терминов ФЕ такие понятия, как фразеословосочетания, фразеосочетания [Гюльмагомедов 2002: 35].

Первые наблюдения над фразеологией аварского языка встречаются в работах М.М. Магомедханова [Магомедханов 1966, 1972, 1973, 1974, 1977, 1987 и др.]. Им же подготовлены словари по фразеологии аварского языка в сопоставлении с русским, немецким языками. В работах ученого поднимаются вопросы определения ФЕ и ее границ. Особое место в разработке вопросов аварской фразеологии, паремиологии принадлежит Д.С. Самедову, в работах которого освещаются вопросы, актуальные не только для аварского, арчинского, но и для фразеологии всех дагестанских языков. В поле зрения ученого находятся этнолингвистические, лингвокультурологические проблемы фразеологии [Самедов 1998, 2002, 2003, 2005, 2006, 2008, 2010, 2011, 2012, 2013, 2016 и др.].

Первой специальной работой, открывающей серию сравнительных и сравнительно-исторических исследований соматических фразеологических единиц дагестанских языков, явилась диссертационная работа С.Н. Гасановой [1992]. Впервые на материале СФЕ автором проведен внутриязыковой и межъязыковой

сравнительный анализ языков близкородственной группы. Сравнительному анализу соматической фразеологии аваро-андийских языков посвящена кандидатская диссертация М.-Б. Д.-Г. Хангереева [1993]. Соматической фразеологии каратинского языка посвящена кандидатская диссертация М.Н. Кураевой [Кураева 1998]. Вопросы фразеологии табасаранского языка рассматриваются в работах В.М. Загирова, в том числе и в словарях «Русско-табасаранский школьный фразеологический словарь [1977], «Фразеологический словарь табасаранского языка [1985].

Наряду со сравнительными работами, появляются работы и сопоставительного характера, в которых сопоставляются: фразеологизмы дагестанских языков и немецкого языка [Гаджиева 1990], дагестанских языков и русского языка [Гаджиева 1997], лезгинского и французского языков [Рамазанова 1999], даргинского и английского языков [Рабаданова 2005], аварского и английского языков [Идрисова 2005], русского и даргинского языков [Гацайниева 2007], русского и аварского [Мисиева 2009] и т.д.

Первые наблюдения над фразеологией даргинского языка встречаются в научных публикациях М.-Ш.А. Исаева [Исаев 1970, 1980, 1983, 1985, 1986, 1989]. В поле зрения ученого широкий круг вопросов, связанных с семантикой, структурой, мотивировкой, компонентным составом, отражением национально-культурных особенностей ФЕ даргинского языка: соматизмы как смыслообразующий центр фразеологизмов даргинского языка, представляющий интересный в структурном отношении и очень загадочный в социолингвистическом и психолингвистическом отношении мир [Исаев 1986: 86]; зоонимы как компоненты ФЕ [Исаев 1988]; структура и семантика метафорических фразеологизмов [Исаев 1989]; эквивалентность ФЕ русского и даргинского языков [Исаев 1989]; экстралингвистическая основа образования и мотивация ФЕ даргинского языка [Исаев 1988, 1990]; коннотативные компоненты ФЕ [Исаев 1991].

На фразеологизмы хайдакского диалекта даргинского языка, в связи с исследованием соматонимов, обращает внимание С.М. Темирбулатова. Так, например, автор анализирует единицы, образованные сочетанием двух существительных, представляющих собой по сути соматические фразеологические единицы: *ккацца няхъ* «локоть», букв. «кирка рука»; *кьяча тӀун* «мизинец», букв. «загиб палец»; *тӀунпула бекӀ* «подушечка пальца», букв. «пальца голова»; *васиятли ликка* «берцовая кость», букв. «завещания кость» и др. [Темирбулатова 1986: 83–84].

Функционально-семантические особенности фразеологизмов хайдакского диалекта даргинского языка рассматриваются в одной из глав докторской диссертации У.У. Гасановой. Как наиболее частотные соматизмы-компоненты, являющиеся смысловыми центрами соматических фразеологических единиц, отмечаются *урчӀи* «сердце», *бекӀ* «голова», *няхъ* «рука», *луццум* «язык», *тӀя* «нога», *миса* «рот», *илби* «глаза» [Гасанова 2011: 26].

ФЕ сирхинского диалекта даргинского языка исследуются в работе П.М. Габибуллаевой [Габибуллаева 2011]. Автор поднимает вопросы разграничения ФЕ и смежных единиц, привлекая к сравнению и такие единицы сирхинского диалекта, как сложные слова, образованные с помощью редупликации:

«чай-май» – «чай и что-нибудь еще», *хIяз-маз* «игра-забава» состоит из *хIяз* «игра» и *маз*, который рифмуется с первым...» [Габидуллаева 2011: 7].

Выявлению национально-культурных компонентов в лексике и фразеологии даргинского языка посвящена кандидатская диссертация Г.Х. Ибрагимовой [Ибрагимова 2009]. Автором выявлены лексем-носители этнической информации. Например, лексема *тIерхъа* «палка», помимо своего основного значения, в даргинском языке имеет еще и значение «очередность пасти овец или стадо коров» (пастушеская палка, прислоненная к воротам, означала наступление очереди пасти), а также «... очередь мужчин этого дома нести караульную службу у ворот крепости» [Ибрагимова 2009: 45]. Фразеологические единицы даргинского языка нашли отражение и в диссертационной работе М.М. Гусейновой, посвященной категории атрибутивности в даргинском языке [Гусейнова 2002]. Диссертационные исследования М.А. Магомедовой [Магомедова 2005] и М.Р. Ибрагимов [Ибрагимов 2009] посвящены различным аспектам освоения даргинским языком заимствований из кумыкского языка, в которых исследуются также и ФЕ.

Исследователи все чаще обращаются к сопоставительному аспекту фразеологии языков различных типологий [Исмаилова 2011]. В диссертации М.О. Махмудова рассматриваются зооморфные ФЕ даргинского языка в сопоставлении с английским [Махмудов 2016]. Сопоставительному анализу подвергаются СФЕ даргинского и русского языков в кандидатской диссертации Г.К. Гацайниевой [2007].

В работе Н.Г. Раджабовой, посвященной проклятиям и благопожеланиям даргинского языка, определенное место уделяется и соматической лексике в составе таких формул речи. Сравнительной структурно-грамматической характеристике подвергаются фразеологизмы лезгинского и даргинского языков в кандидатской диссертации Т.Т. Таибовой [2016]. У истоков кумыкской фразеологии стояла К.Х. Даибова [Даибова 1973, 1981]. Большой вклад в развитие кумыкской фразеологии внесла А.З. Абдуллаева [Абдуллаева 2001]. Сопоставительному исследованию соматических фразеологических единиц кумыкского и русского языков посвящена диссертация М.И. Мугидовой [Мугидова 2005]. Фразеологические единицы с компонентами «баш» и «голова» в кумыкском и русском языках рассматриваются в кандидатской диссертации Ф.И. Даутовой [Даутова 2014].

Особый вклад в изучение и сохранение кумыкской фразеологии внес Н.Э. Гаджихмедов, в работах которого поднимаются актуальные вопросы как фразеологии, так и лексики, грамматики кумыкского языка. Вопросы фразеологии кумыкского языка находятся в поле зрения его научных интересов, начиная с 1984 г. [Гаджихмедов 1984, 1986, 2014, 2015].

Активное обращение к фразеологии в последние годы позволило высветить и новые проблемы в этой области: исследование этнокультурных особенностей функционирования ФЕ, системные отношения во фразеологии, сравнительные исследования фразеологии дагестанских языков, вопросы диахронии ФЕ.

В разделе 1.5. рассматриваются вопросы изучения фразеологии арабского языка. На фоне тех успехов, которых достигли арабские ученые-лексикографы в изучении и описании пословиц и поговорок, определяемых ими как «узоры высказываний, изумруды предложений и украшения смыслов, выбранных арабами и неарабами, произносимых во все времена и на

всех языках» [Ибн Абду Рабу. 1993. Цит. по: Шайхуллин 2012: 74], исследования по фразеологии арабского языка кажутся скромными.

«В арабской классической науке о языке (فقه اللغة «фикх ал-луга», علم اللسان «илм ал-лисан») фразеологии как самостоятельного направления не существовало, и поэтому «фразеологический материал» исследовался в таких ее разделах, как علم البلاغة «илм ал-балага» – «наука о красноречии» (риторика) и علم اللغة «илм ал-луга» – «наука о словарном составе» (лексикология)» [Ушаков 1996: 14].

Одним из основателей арабского языкознания считается басриец Халил-аль Фарахиди (718–791), составивший первый словарь «Китаб аль-Айн». Автором одного из самых известных и цитируемых словарей был перс Мухаммад ибн Йакуба ал-Фирузабади (1326–1414), который составил словарь القاموس المحيط «аль-Камус аль-Мухит» (Словарь – Океан).

Первые попытки наблюдений над словом и создания словарей были связаны с лексикой Корана. В.Д. Ушаков отмечает, что «богатая лексикографическая литература арабского средневековья содержит чрезвычайно ценный лексико-фразеологический материал, каким не располагают многие другие развитые языки и который может быть использован в качестве основы для исторических и сопоставительных исследований» [Ушаков 1996: 16].

В.С. Морозова отмечает, что вопрос об устойчивых сочетаниях слов (al-murakkabāt) ставился в традиционном арабском языкознании еще в VIII веке, но все же «понятие сложной единицы, образованной из двух и более элементарных, сросшихся в единое целое, было все же чуждо средневековому арабскому языкознанию» [Морозова 1985: 10]. Такой же точки зрения, по мнению В.С. Морозовой, придерживаются М.А. Панахи, Д.В. Фролов, В.Э. Шагаль.

Исследуя вопросы истории изучения фразеологических единиц в арабской классической литературе средневековья, В.Д. Ушаков поднимает вопросы описания и систематизации фразеологических средств выразительности арабского классического языка. Автор рассматривает такие важные для теоретической фразеологии арабского языка вопросы, как объем и объект фразеологии, релевантные признаки и свойства фразеологических единиц, отношение фразеологии к лексикологии и стилистике [Ушаков 1989]. Ученый обращает внимание на дифференциацию речевого и языкового аспектов фразеологии, что позволяет автору выдвинуть свою точку зрения относительно существующих противоречий во взглядах на объем и границы фразеологических единиц.

Проследивая этапы фиксации фразеологических единиц арабского языка, преподаватель кафедры русского языка Багдадского университета Акрам Азиз Хамед пишет, что «арабские средневековые ученые проявляли значительный интерес к вопросам переосмысления как отдельных лексических единиц, так и словосочетаний, предложений» [Хамед 2016: 91]. Переосмысленные сверхсловные единицы в арабской риторике называются *маджаз* «иносказательность», «образное выражение». Разновидностью маджаза считается в арабском языке *киная* (букв. «намек»). Автор отмечает, что «существующее в арабском языке понятие «пословица и поговорка» выражается одним словом مثل «масал» (пословица, поговорка). Афористические и пословичные выражения помимо данного термина «масал» обозначаются также терминами حكمة «хикма» (мудрость, мудрое изречение) и قول «кавл»

(высказывание, речение, цитация). Наиболее частотным по употреблению в арабском языке является термин مثل «масал» [Хамеед 2016: 92].

Ливанский лингвист Эмиль Бадиа Якуб определяет поговорку как «...лаконичное выражение, в значительной степени распространенное в употреблении, переходящее по наследству потомкам от предков, обычно отличающееся краткостью, легкостью языка и красотой звучания» [Цит. по: Хамеед 2016: 92]. Как видим, в данном определении нет дифференциальных признаков, различающих фразеологическую единицу или поговорку и поговорку.

В вступительной статье к словарю арабских пословиц и поговорок с лексико-семантическими комментариями Е.В. Кухарева приводит различные определения поговорок арабскими лингвистами и отмечает как наиболее употребительный термин «масал». Кроме этого термина, для передачи понятия «поговорка» арабы используют также слова حكم «мудрости»; نواذر «редкости, диковинки; необычные истории»; فرائد «перлы; уникальные высказывания. Афористические, поговорочные, фразеологические выражения обозначаются также терминами قول «высказывание, речение, цитация», وعز «назидание, предписание». Из этого автор заключает, что «Столь обширный лексико-семантический ряд обозначений определенных языковых образований, клише говорит о том, что арабы не видят различий между фразеологическими и афористическо-паремическими выражениями и оборотами» [Кухарева 2008: 12]. Не разделяет данную точку зрения Т.А. Шайхуллин, который считает, что «понятия «фразеологизмы» и «устойчивые выражения» в большинстве случаев обозначаются в арабской стилистике как التعبيرات الاصطلاحية AT-TABIRAT AI-ISTILAHIIYYA «устойчивые выражения» [Шайхуллин 2011: 80].

Различные аспекты арабской фразеологии и паремиологии рассматривали арабские исследователи Ибн Мансур, аль-Фахури, аль-Майдани, аль-Амеда, Фуррайха, аль-Мубаррада, Шанеба, А. Хамеда, Э. Якуб, Ибн Абду Рабби, Абу Абид аль-Касем, Бен Салаяма, Аль Фарабии, Абдельхамед С.А-М., Акрам А.Х., Фарих Лубнани, Саид Убуд, Али Халили, Иса Атауллах, Салим Арафат и др.

Несмотря на столь длительную историю лексикологических и лексикографических изысканий в арабском языкознании, до сих пор многие вопросы фразеологии не решены, в том числе вопрос определения фразеологизма, его семантического объема и отграничения от других смежных единиц, в том числе и от поговорок и поговорок.

Объектом изучения фразеологии, по мнению В.С. Морозовой, являются «семантически преобразованные сцепления слов, соотносимые как со словом, так и с предложением» [Морозова 1985: 37]. Ученый не относит к фразеологизмам поговорку, поговорку и афоризмы, а также составные термины. Под фразеологизмом В.С. Морозова понимает «раздельнооформленную, устойчивую и воспроизводимую единицу языка, обладающую целостным смыслом, превалируемым над синтаксической раздельностью» [Морозова 1985: 41]. А.М. Фавзи и В.Т. Шклярков паремии относят к фразеологическим единицам [Фавзи, Шклярков 1989].

Амна Ахмед Абдалла стоит на позициях тех ученых (Н.М. Шанский, В.Л. Архангельский, И.И. Чернышова, Л.И. Ройзензон и др.), которые при-

держиваются широкого понимания фразеологизма и относят к фразеологизмам пословицы, поговорки и крылатые выражения [Амна 1998: 23].

К этому же мнению склоняется и Р.А. Бекиров, который считает, что пословицы и поговорки «обладают рядом свойств, характерных для устойчивых сочетаний и фразеологизмов» [Бекиров 2014: 46].

Исследованию проблем фразеологизмов нравственно-этической оценки в процессе преподавания русского языка в арабской аудитории посвящена диссертация Е.Н. Демешевой [2007]. Наряду с другими аспектами фразеологии, в работе рассматриваются вопросы фразеологической эквивалентности, что очень важно при работе в иноязычной аудитории. Выявлению фразеологической репрезентации религиозного мира в русском, английском и арабском языках посвящена специальная работа Л.Л. Григорьевой [2009]. Особый интерес в русле рассматриваемых нами проблем вызывают разделы диссертации, посвященные тематико-идеографической классификации и выявлению культурных кодов в сопоставляемых языках.

В последние десятилетия к фразеологии арабского языка стали обращаться и в сопоставительных исследованиях по дагестанским языкам.

Соматизмы «глаз», «сердце», «голова» аварского языка в сопоставлении с таковыми в арабском языке рассматриваются в кандидатской диссертации С.И. Магомедовой [2009]. Соматическая лексика и фразеологизмы рассмотрены с различных точек зрения. Затронуты такие актуальные для фразеологии проблемы, как гендерные особенности проявления ФЕ.

В кандидатской диссертации З.И. Исмаиловой фразеология арабского языка сопоставляется с таковой аварского и русского языков [Исмаилова 2011]. На богатом фактическом материале трех языков автор устанавливает как общие, тождественные, так и отличительные особенности СФЕ в данных языках.

Зооморфная лексика и фразеология в сопоставительном аспекте исследуются в кандидатской диссертации М.Г. Гаджиалиевой [2017]. Автором проанализирован обширный материал даргинского, английского и арабского языков, выявлены этнические стереотипы и переносные значения зоонимов, зафиксированных во ФЕ.

Особую роль соматизмов во фразеообразовании как арабского, так и русского языков подчеркивает Х.К. Мвер, связывая это «с антропоцентрическим взглядом на мир, с одушевлением тела и его частей, участвующих в разнообразных сферах материальной и духовной деятельности» [Мвер 2013: 41].

К выявлению зооморфного кода культуры в соматических фразеологических единицах арабского и русского языков обращается С.А.-М Абдельхамид [Абдельхамид 2015].

Особенности перевода фразеологических единиц арабского языка на русский рассматривает в своей статье Р.Р. Закиров [Закиров 2012]. Автор предлагает учитывать структурно-типологический и структурно-смысловый подходы при установлении эквивалентности ФЕ.

Проблемы переводческих задач арабской фразеологии рассматриваются также и в статье А.Ю. Крылова. Исследователь обращает внимание на трудности перекодирования смысла эмотивности арабских ФЕ при переводе и предлагает учитывать специфику кодирования эмоционально-оценочной

информации, связанной с особенностями национального мышления носителей языка [Крылов 2012: 106].

Фразеологическую картину мира русского и арабского языков исследует в кандидатской диссертации В.С. Ильясов [2019]. Сопоставительный анализ с этой точки зрения фразеосемантического поля «питание» позволяет автору сделать вывод о том, что ФЕ данного поля репрезентируют не только традиционные условия жизни и рацион питания русского и арабского этносов, но и различия, связанные с культурой застолья, нравственно-этическими нормами отношения к еде.

Подводя итог обзору теоретической литературы в рамках исследуемых нами проблем, отметим, что, несмотря на активное обращение к фразеологии и внушительные результаты фразеологических исследований в целом в европейской, русской фразеологии, определенную продвинутость исследований по фразеологии отдельных дагестанских языков, все еще малоразработанной областью остаются сопоставительные исследования на материале фразеологии арабского и дагестанских языков.

Вторая глава **«Тематическое пространство соматических фразеологических единиц в даргинском и арабском языках»** посвящена интерпретации внеязыкового содержания, прототипических ситуаций, которые, на наш взгляд (как носителя даргинского языка и исследователя, интересы которого лежат в плоскости арабского языка), составляют мотивационную базу семантики фразеологизмов, но остаются за пределами их значения, что и приводит со временем к затемнению фразеологического образа.

Вербализация номинируемых реалий с опорой на одинаковые прототипические ситуации выявлена в даргинских и арабских СФЕ, содержащих номинацию следующих ***внешних органов***:

«Голова». В этническом сознании даргинцев и арабов: 1) сильная головная боль ассоциируется с раскалыванием головы; головокружение как следствие головной боли воспринимается как виртуальный сценарий «кружения» (вращения) головы; 2) виртуальный сценарий, при котором голову заставляют полететь, воспринимается как смертное наказание, а именно обезглавливание кого-либо; насильственная смерть ассоциируется с разбитой головой; прототипической ситуацией, мотивирующей кодификацию насильственной смерти, выступает и реальное отрезание головы; 3) память вызывает ассоциации с тем, что что-либо переносят в голову; забывчивость как отрицательная сторона памяти представляется как виртуальный сценарий выхода объекта памяти из головы с той лишь разницей, что даргинцы воспринимают данный сценарий как выход или уход из головы, а арабы – как вылет из нее; 4) значимые единицы знаков телодвижения, а именно поднятие головы, ассоциируется с самоуверенностью, гордостью; 5) голова выступает маркером начала чего-либо; 6) ментальная сущность «целиком, полностью» воспринимается как *с головы до ног*.

«Глаз». В языковом сознании даргинцев и арабов: 1) произвольная зрительная фиксация предстает как метафорическое «поднятие глаз»; 2) поле зрения отразилось как пространство перед глазами; 3) смерть ассоциируется с закрыванием глаз навсегда; 4) признаком удивления выступает неверие собственным глазам; 5) маркером быстроты действия выступает моргание;

б) истина, правда соотносится с открыванием глаз; 7) удаление в пространстве, а именно исчезновение из поля зрения, воспринимается как реальное исчезновение с глаз.

«Рука». В даргинском и арабском этническом сознании: 1) зависимость ассоциируется со связанными руками, зависимый человек находится «под рукой» или попадает в чьи-либо руки; 2) рукоприкладство представляется как дать рукам волю, распустить руки или поднять руку; 3) оказание помощи ассоциируется с протягиванием руки, а ближайший помощник, сподвижник предстает в образе правой руки.

«Лицо». В этническом представлении даргинцев и арабов: 1) стыд, позор ассоциируется с чернотой лица; 2) непосредственная близость означает «лицом к лицу», т.е. лицо по метонимии номинирует личность.

«Нога». В даргинском и арабском языковом сознании: 1) ментальная сущность глубокая старость вызывает представление о человеке, который вступил одной ногой в могилу; 2) социально зрелый человек стоит на ногах или его ставят на ноги; 3) неуверенность ассоциируется с тем, что земля «уходит (обваливается) из-под ног».

«Ухо». В даргинской и арабской лингвокультурах: 1) внимательный человек предстает в образе того, кто виртуально превращается в ухо; 2) сценарий потягивания уха ассоциируется с наказанием кого-либо; 3) удивление человека ассоциируется с тем, что он не верит своим ушам.

«Палец». В представлении даргинцев и арабов: 1) малое количество чего-либо воспринимается как возможное посчитать на пальцах; 2) осторожно, тихо передвигающийся человек, вызывает ассоциации с тем, кто ходит на пальцах.

«Нос». В этническом сознании даргинцев и арабов гордый, высокомерный человек предстает в образе того, кто поднимает (задирает) свой нос.

«Волос(ы)». Человека, испытывающего чувство страха, испуга, даргинцы и арабы представляют в образе того, чьи волосы «встают», «поднимаются».

«Плечо». При оказании помощи, поддержки даргинцы и арабы метафорически подводят плечо к плечу с той лишь небольшой разницей, что даргинцы при этом плечо упирают, а арабы – соединяют.

«Колено». Вставание на колени в языковом сознании даргинцев и арабов ассоциируется с покорностью, подчинением.

Опора на одинаковые прототипические ситуации при вербализации номинируемых реалий выявлена в даргинских и арабских СФЕ, содержащих также и номинацию следующих **внутренних органов**:

«Сердце». В этническом сознании даргинцев и арабов: 1) беспокойство, переживание ассоциируются с «разрывающимся» сердцем, а также с «сжимающимся» сердцем; 2) сердце воспринимается как виртуальная емкость, открытие, раскрытие которой означает откровенность, искренность; откровенный, искренний человек предстает в образе того, чье сердце «открыто или оно «настоящее, неподдельное»; виртуальный сценарий вербальной коммуникации сердца воспринимается как откровенность, искренность; 3) мысли, размышления воспринимаются как сущность, свойство, присущее сердцу, т.е. сердце представляется как контейнер умственных потенций; 4) чувство испуга, страха ассоциируется с «падением» сердца; сердцу приписы-

ваются человеческие качества, т.е. ощущение человеком страха, испуга воспринимается как испытание данного чувства самим сердцем; 5) сердце воспринимается как хранилище памяти; 6) горе, печаль ассоциируются с тяжестью на сердце, а также с воздействием огнем на сердце; 7) душевный покой представляется как «спокойствие» сердца; 8) предчувствие, внутренний голос воспринимаются как «говорение» сердца; 9) отсутствие сердца у субъекта выступает маркером жестокости, грубости; 10) виртуальный сценарий «разбивания» сердца вызывает ассоциации с разочарованием.

«Язык». В даргинском и арабском этническом сознании: 1) метафорическое удлинение языка выступает маркером говорливости, болтливости; 2) злословие, сплетни также ассоциируются с длинным языком; 3) сдержанность в речи ассоциируется с метафорическим «держанием» языка; виртуальный сценарий «привязывания, связывания» языка также ассоциируется со сдержанностью в речи; 4) метафорическая острота языка выступает маркером язвительности; 5) виртуальный сценарий пребывания какого-либо слова на кончике языка ассоциируется с тем, что человек не может вспомнить то, что хотел сказать.

«Живот». 1) Голодный человек у даргинцев и арабов ассоциируется с тем, у кого живот пуст; 2) икра ноги (икроножная мышца) в их представлении – некая выпуклость, округлость ноги, сравниваемая с животом.

«Зуб». 1) Улыбающийся человек для даргинцев и арабов предстает в образе того, кто показывает зубы; 2) зубцы пилы вызывают у них представления о зубах; 3) «долька чеснока» в сознании даргинцев и арабов предстает как «зуб чеснока».

«Кость». Сочетание кожи и кости в этническом сознании даргинцев и арабов ассоциируется с худощавостью, исхудалостью.

«Горло». Надоедливость ассоциируется у даргинцев и арабов с костью в горле.

В третьей главе **«Вербализация культурных кодов в СФЕ даргинского и арабского языков»** СФЕ данных языков исследуются с точки зрения отражения в них культурных кодов. Выявлены и проанализированы зооморфный, пространственный, темпоральный, предметный, растительный, числовой и цветовой коды.

3.1. Зооморфный код в СФЕ даргинского и арабского языков

Зооморфный код культуры – это наиболее интересный и своеобразный код культуры, который демонстрирует специфику восприятия мира носителями того или иного языка.

3.1.1. СФЕ, выражающие внешний облик человека

Исследованный материал показывает, что среди СФЕ с зооморфным компонентом наибольшую группу составляют те, в которых содержится описание и оценка человека по внешним данным. Красоту и нежность девушки в даргинском языковом сознании олицетворяют перепелка, ласточка, ястреб: *михъири дилкунил къакъба* – букв. «перепелка с расписной грудью», т.е. «об очень красивой и нежной девушке»; *михъири цлуба чатIа* – букв. «ласточка с белой грудью», т.е. «об очень красивой и нежной девушке»; *журуга хъябличир къарчигъала бекI* – букв. «на круглой шее голова ястреба», т.е. «стройная и красивая женщина». Символами красоты женских глаз в этническом созна-

нии даргинцев являются глаза, похожие на глаза оленя, лошади, теленка: *гьинтала хӀулбар* – букв. «с оленьими глазами», т.е. «о девушке с очень красивыми глазами»; *урчила хӀулбар* – букв. «с глазами лошади», т.е. «о девушке с большими красивыми глазами»; *къача хӀулбар* – букв. «с телячьими глазами», т.е. «о человеке с большими (красивыми) глазами».

Отрицательную оценку получают глаза, ассоциируемые с глазами ослика или зайца, а также маленькие и круглые (как у голубя, птицы, мышь или вороны): *дягала хӀулбар* – букв. «с глазами как у ослика», т.е. «о человеке с косыми некрасивыми глазами», «косоглазый»; – *гӀярала хӀулбар* – букв. «с глазами как у зайца», т.е. «косоглазый»; *лагъала хӀулбар* – букв. «с голубиными глазами», т.е. «о человеке с некрасивыми глазами»; *чякала хӀулбар* – букв. «с птичьими глазами», т.е. «о человеке с маленькими некрасивыми глазами»; *ваца хӀулбар* – букв. «с мышьиными глазами», т.е. «о человеке с маленькими бегающими глазами»; *къяна хӀулбар* – букв. «с вороньими глазами», т.е. «о человеке с круглыми маленькими глазами».

Антропоориентированные зооморфизмы выступают как средство различной характеристики и оценки человека с точки зрения его телосложения. Например, человек крупного телосложения в даргинском языке предстает в сравнении со слоном, медведем и лошадью: *пиллагъуна къаркъала* – букв. «тело как у слона», т.е. «о человеке крупного телосложения»; *синкалагъуна къаркъала* – букв. «тело как у медведя», т.е. «о человеке крепкого (крупного) телосложения»; *урчилацад чархла вегI* – букв. «с телом как у лошади», т.е. «о человеке крупного телосложения».

Стройный стан девушки в представлении даргинцев такой, как у горного джейрана: *дубурла жайраннаван кегIебси хамха* – букв. «стройное как у горного джейрана тело», т.е. «девушка с красивым телосложением».

Положительные культурные смыслы и не только при описании внешности человека, но и состояния его здоровья связаны в даргинском языке со львом: *арслан-къапланлагъуна бяхIра сайра* – букв. «с лицом как у льва», т.е. «о здоровом и сильном человеке».

Символика здоровья закреплена также и за шеей. Ее толщина или худоба говорят о здоровье или болезни: *бугъалагъуна хъяб* – букв. «шея как у быка», т.е. «о здоровом, физически крепком мужчине»; *къаз хъяб* – букв. «гусь шея», т.е. «об очень худом человеке»; *къанкълагъуна хъябра сайра* – букв. «с шеей, как у журавля», т.е. «с тонкой шеей»; *хӀелхъала хъябван* – букв. «как шея ящерицы», т.е. «о человеке с очень худой шеей».

Имеющийся в нашей картотеке материал арабского языка обнаруживает единичные СФЕ с зоонимическим компонентом, ориентированные на оценку внешности человека. Но пословичный материал арабского языка фиксирует компонент *газель* как символ красоты: *القرد في عين أمه غزال* «Обезьяна глазами своей матери газель»; *كلّ خنفس عند أمه غزال* «Каждый жук у своей матери газель»; *القطوس في عين أمه غزال* «Кошка глазами ее матери газель» [Шайхуллин 2012: 292–293].

Некрасивая внешность в арабской лингвокультуре ассоциируется с зооморфизмом *القرد* «обезьяна», который в переносном значении функционирует как «бранное слово, используемое с намерением унижить того, кто имеет неприятную внешность и слабый интеллект» [Хефни 2020: 90].

3.1.2. СФЕ, выражающие физические свойства и характер человека

Олицетворением храбрости в даргинском языке выступает лев: *къа-планна уркIлаa вeгI* – букв. «с сердцем льва», т.е. «о мужественном, отважном, бесстрашном человеке».

Положительную коннотацию в характеристике физических свойств человека выражают в составе даргинских СФЕ зооморфизмы волк, сокол, змея: *бецIла хIуЙзирад цIа кайсу* – букв. «из волчьих глаз искру возьмёт», т.е. «о храбром, отважном человеке»; *някъли къарчигъа бурицул* – букв. «тот, кто рукой сокола ловит», т.е. (поэтич.) «ловкий; смелый»; *уркIи чIумал чIичIала* – букв. «змея с крепким сердцем», т.е. «храбрый человек». Специфичной в даргинском языке является символика бараньего лба, репрезентирующего крепкого и стойкого человека: *кигъала андаван* – букв. «как бараний лоб», т.е. «о крепком и стойком человеке». В отобранном нами из лексикографических источников арабского языка материале зооморфные СФЕ со значением оценки физических свойств и характера человека не обнаружены.

3.1.3. СФЕ, выражающие психические свойства человека

Наиболее частотным зооморфизмом в составе СФЕ данной группы является собака. Как и во многих других языках (см. Кудрявцева 2015, Гаджиалиева 2017, Яковлева 2017, Гасанова 2018, Абдолмалеки 2020 и др.), собака, несмотря на то, что очень давно живет по соседству с человеком, охраняя его дом, в анализируемых языках имеет негативную коннотацию.

Лексема *الكلب* «собака» в арабском языке в переносном значении функционирует как бранное слово, употребляемое в отношении того, кто ведет себя неподобающим образом [Хефни 2020: 90]. Подтверждением этого является арабская пословица, которая приводится в известном сборнике пословиц и поговорок аль-Майдани: *لكل قوم كلب فلا تكن كلب أصحابك!* «У каждого коллектива есть своя собака. Не будь ею для своих друзей» [Майдани: 99].

С жестокостью, наряду с тупостью, в языковом сознании даргинцев ассоциирует осел: *дяхI агар эмхIе* – букв. «ишак без лица (безликий)», т.е. «безжалостный человек». Жесткость, свирепость символизирует также взгляд волка: *бецIлагъунти хIулби* – букв. «словно волчьи глаза», т.е. «о человеке с жестоким, злобным взглядом». Наглость и отсутствие стыда символизирует волчий рот: *бецIла мухIли* – букв. «волчий рот», т.е. «о бессовестном, наглom человеке».

Злоба и враждебность связаны в СФЕ арабского языка с образом тигра: *لبس جلد النمر* – «проявить вражду, злобу», букв. «надеть кожу (шкуру) тигра».

Как антиподы доброты и злости выступают в составе СФЕ даргинского языка волк и ягненок: *цала уркIлаб – мукъара, цала уркIлаб – бецI* букв. «на сердце у одного ягненок, на сердце у одного волк», т.е. «на душе у одного добро, у другого – злость и коварство».

Положительной оценкой в языковом сознании арабов наделяется бык, который символизирует воина, защитника: *الثور يحمى أنفه بروقه* букв. «бык защищает нос своим рогом (так говорят, побуждая защищать своих женщин)» [Майдани: 36].

Задиристый, скандальный характер олицетворяет в даргинской фразеологической картине мира петух: *дагъала уркIи* – букв. «сердце петуха», т.е. «о человеке, любящем затевать драки».

Злость и коварство у даргинцев метафорически связаны со змеей: *уркЛи шахла члчлала* – букв. «змея с гнойным сердцем», т.е. «злая гадюка», «злой человек». Символом зла в арабской культуре также является змея: رأس الأفعى (الحية) – букв. «голова змеи», т.е. «источник зла»; قطع رأس الأفعى – букв. «отрезать голову змеи», т.е. «уничтожить источник зла» [Абдельхамид 2015: 19].

3.1.4. СФЕ, выражающие манеры, навыки человека

Лиса во многих языках мира символизирует хитрость, изворотливость. С хитростью и изворотливостью в языковом сознании арабов ассоциируется лисий хвост: إنما هو ذنب الثعلب (букв. «воистину он хвост лисы») «он воплощение хвоста лисы» [Гаджиалиева 2017: 155]. В лингвокультурном представлении даргинцев хитрость, как черта характера, также связана с лисой: *гурда мухЛи* – букв. «лисий рот», т.е. «хитрый язык»; *гурда хЛулбар* – букв. «с лисьими газами», т.е. «о хитром человеке»; *гурда сай* – букв. «лисой является», т.е. «о хитром человеке».

Изворотливость, способность человека выйти из любого сложного положения в даргинской языковой картине символизирует кошка: *бекI удили лайвакIаллира, кьяими удили вираp каркуси* – букв. «даже если вниз головой бросить, то на ноги падает», т.е. «может выйти из любого безвыходного положения».

Назойливость даргинцами приписывается слепню: *лихЛилизиб хЛунзван* – букв. «словно слепень в ухе», т.е. «о назойливом человеке».

Жадность даргинцами приписывается кабану: *жакъала къакълизибад гъез абердибсигъуна хЛисаб биуб* – букв. «получилось так, будто со спины кабана волос выдернул», т.е. «добиться чего-либо от жадного человека».

Безвольный, бесхарактерный человек в арабском менталитете ассоциируется с бараном, что отражено в выражении يتبعها مثل الخروف (букв. «следует за ней как баран»), что означает слабость человека и отсутствие энтузиазма), которое используется в тех случаях, когда мужчина очень сильно и безумно любит женщину, и он за ней идёт везде, поддерживает ее во всем [Хефни 2020: 91]. Баран в даргинском языковом сознании ассоциируется с традиционной хозяйственной деятельностью (овцеводством): *някълизибси кигъаван* – букв. «как баран в руках», т.е. «очень хорошо содержать, ухаживать».

В языковом сознании даргинцев пчела не только труженица, но и мерило нормы в пище: *мирхъи кани* – букв. «пчела-живот», т.е. «о человеке, который сдержан в пище, ест мало».

Предвестником смерти в даргинской лингвокультуре выступает ястреб: *бeбкIала къиргъули хъат бяхъиб* – букв. «ястреб смерти ладонь ударил (захлопал)», т.е. «настали предсмертные минуты».

3.1.5. СФЕ, выражающие оценку умственных способностей человека

Отсутствие ума в даргинском языке демонстрируют СФЕ со смыслообразующими компонентами курица и осел: *гIаргIала бекI* – букв. «куриная голова», т.е. «о глупом, безмозгом человеке»; *эмIела бекIван* – букв. «как ослиная голова», т.е. «о бестолковом и глупом человеке». В арабском языке скудоумие тоже связано с птицами, а именно с пташками: أجسام الجمال و عقول العصافير (букв. «тела верблюдов, умы пташек») [Хефни 2020: 92].

Необычный образ глуповатого человека создается в даргинской СФЕ с зооморфизмом овца: *бигубси мазала бекIван хЛерикIули* – букв. «смотрит как спаленная голова овцы», т.е. «улыбается всегда без всякой причины, строит

из себя дурачка». В основе внутренней формы данной единицы лежит наименование одного из традиционных блюд дагестанцев – вареной бараньей головы, которую прежде чем сварить, обжигают.

3.1.6. СФЕ, выражающие говорливость, красноречие человека

Способности к ораторской и искусной речи в языковом сознании даргинцев связаны с соловьем и котенком: *булбул чатIалаван пасихIси лезми* – букв. «язык мудрый, как у соловья», т.е. «сладкоречивый»; *житала дурхIялаван пасихIси лезми* – букв. «такой же способный язык, как у котенка», т.е. «человек с ораторскими способностями».

Проведенный анализ зооморфного кода культуры на материале даргинского и арабского языков позволяет сделать вывод о том, что ассоциативные семантические признаки зоонимов занимают важное место в интерпретации соматической фразеологической единицы, семантика СФЕ с такими компонентами носит оценочный характер.

3.2. Пространственный код в СФЕ даргинского и арабского языков

Соматические фразеологические единицы с семантикой локализации отражают представления о пространственном мире человека. Единицы кода культуры обладают специфическим значением, которое не совпадает с общеязыковым, словарным значением. Это особые коннотативные семы, в которых аккумулируется культурно значимая информация.

Анализ СФЕ даргинского и арабского языков позволил выявить следующие разновидности пространственной локализации: «*верх/низ*», «*вперед/сзади*», «*внутри/снаружи*», «*центр/середина*», «*близко/далеко/всюду*».

Важная роль в пространственном коде принадлежит оппозиции «*верх/низ*». По мнению Дж. Лакоффа, «пространственный код может иметь физическую основу: грусть и уныние гнетут человека, и он опускает голову, а положительные эмоции распрямляют его и заставляют поднять голову» [Лакофф 2004: 36]. Ср. в даргинском языке: *бекI кьухIбуциб* – букв. «голову понурил», т.е. «стал горевать»; *бекI сурбатес* – букв. «голову повесить», т.е. «понуришь голову, прийти в уныние».

В представлении даргинцев и арабов ментальная сущность «целиком, полностью» воспринимается как пространство с головы до ног, ср.: *бекIличибад кьяшмачи бикайчи* – букв. «с головы до ног», т.е. «целиком»; *من الرأس إلى القدم* – «с ног до головы», букв. «от головы до ноги».

С точки зрения культурного кода в данных фразеологизмах отразилось универсальное архетипическое представление человека в его вертикальном измерении «*верх/низ*». Верхними и нижними точками при этом служат макушка головы, кончики пальцев ног, пятка и т.д. Рост, успех, счастье, власть, довольство собой, предел чего-либо – все, что идет на благо человека, в языковом сознании носителей даргинского и арабского языков связано с устремлением вверх: *кьаркьала лаг бушули саби* – букв. «тело вверх идет», т.е. «растет, становится рослым»; *уркIи зубразиб саби* – букв. «сердце находится на небесах», т.е. «пребывает в приподнятом настроении»; *бекI ахъли кабуцес* – букв. «голову высоко держать», т.е. «быть самоуверенным или гордым»; *رفع رأسه* – «поднимать голову», букв. «поднять свою голову (о проявлении самоуверенности или гордости)».

Здоровье и активность жизненных сил у арабов связаны с физическими основаниями: человек находится на ногах: *العامل جار على قدم و ساق* – «работа идет полным ходом, работа кипит», букв. «работа идет на стопе (ноге) и голени. Пространственная ориентация «низ» представлена в следующих даргинских и арабских СФЕ, в которых репрезентируются: покорность, подчинение, ср.: *кьяшмала уди кабихьиб* – букв. «под ноги положил», т.е. «покорил»; *طأ رأسه* – «покориться», букв. «опустить вниз, склонить свою голову»; стыд, позор, унижение, ср.: *кьяшмала удив чяртвариб* – букв. «под ногами затоптал», т.е. «унизил»; *منكس الرأس* – «с поникшей головой», букв. «с опущенной головой (от стыда)».

Локализацию пребывания предмета *впереди*, переднюю, лицевую часть чего-либо и движение вперед демонстрируют следующие СФЕ арабского языка: *وجه السيكة* – «лицевая сторона монеты», букв. «лицо монеты»; *وجه الارض* – «поверхность земли», букв. «лицо земли»; *مدى عينيه* – «поле зрения», букв. «предел, пространство, протяжение его глаз»; *مضى على وجهه* – «идти своей дорогой», букв. «уходить по направлению своего лица»; *بين يديه* – «перед ним», букв. «между его руками» и др.

В СФЕ даргинского и арабского языков отразились пространственные представления о каком-либо предмете как о вместилище, имеющем внутреннюю и внешнюю поверхность через ассоциации с той или иной частью тела. Локусом, внутри которого размещаются эмоции, мысли, желания, память, в даргинском и арабском языках представляется сердце: *گياхси урклила буца* – букв. «хорошее в сердце держи», т.е. «думай о хорошем»; *урклила баклибси* – букв. «то, что пришло в сердце», т.е. «что на ум пришло»; *قذف المحبة في قلبه* – «заронить в чье-либо сердце любовь», букв. «бросить, швырнуть любовь в чье-либо сердце»; *مكونات القلب* – «то, что на сердце», букв. «скрытые мысли сердца».

В следующих СФЕ арабского языка с пространственной локализацией «внутри чего-либо» образной основой служит метонимический перенос соматизма живот. Мотивирующей основой послужила проекция этого внутреннего органа на другие предметы или объекты, представляемые как внутренняя часть: *في بطونه* «внутри чего-либо», букв. «в животах (чего-либо)»; *في بطون* – «в разных местах древних сочинений», букв. «в животах древних сочинений». С животом ассоциируются недра земли и в даргинском языке: *ванзала канила арбякьун* – букв. «в живот земли ушли», т.е. «умерли».

Вместилищем памяти, ума (или его отсутствия) в СФЕ даргинского языка выступает также голова: *беклар сари* – букв. «все находится в голове», т.е. «помнить обо всем»; *беклизи буциб* – букв. «в голову взял», т.е. «помнит, не забывает». Глупость символизируют находящиеся в голове зерно и солома: *бекI цули бицили саби* – букв. «голова зерном набита», т.е. «о бестолковом, глупом человеке»; *беклар цук сари* – букв. «в голове солома», т.е. «дурная голова, глупый».

Образной основой пространственной локализации центр, середина выступает соматизм сердце в составе СФЕ арабского языка: *في قلب العاصمة* – «в центре столицы», букв. «в сердце столицы»; *قلب الدفاع* – спорт. «центр защиты», букв. «сердце защиты». В имеющемся в нашем распоряжении материале даргинского языка анализируемый локус не выявлен.

Близкое пространство в образном представлении как даргинцев, так и арабов предстает как находящееся перед глазами или в пределах носа: *хлулбала гьалаб*

– букв. «перед глазами», т.е. «очень близко»; *къянкъла гъалаб* – букв. «перед носом», т.е. «рядом, совсем близко»; *أمام عينيه* – «на глазах», букв. «перед глазами»; *لا يرى أبعد من أنفه* – «не видеть дальше своего носа», букв. «он не видит дальше своего носа». В арабском языковом сознании близкое пространство предстает и как предел достижимости руки: *في متناول يده* – «под рукой», букв. «в пределах достижимости руки». Непосредственную близость передают в арабском языке также и следующие единицы с компонентами *وجه* «лицо» и *فم* «рот»: *كان وجهها ل...* – «стоять лицом к лицу к ...», букв. «быть лицом к ...»; *تكلمت معه فما لأذن* – *образн.* «я беседовал с ним лично», букв. «я беседовал с ним ртом к уху».

3.3. Темпоральный код в СФЕ даргинского и арабского языков

Темпоральный код, как и пространственный, занимает особое место среди всех других кодов культуры, так как именно в нем отображается то, как человек воспринимает и ощущает время. Эти важнейшие категории не являются врожденными для человека, они детерминированы языком, в котором и отображаются особенности этнокультуры. Анализ материала исследуемых языков позволил выделить следующие семантические группы темпоральных СФЕ:

3.3.1. СФЕ, обозначающие миг, мгновенность, короткий промежуток времени

В исследуемых языках наибольшую активность в данной группе демонстрирует соматизм глаз: *хЛули къянIбарайчи* – букв. «пока глаз сомкнет», т.е. «в мгновение ока, быстро»; *قبل ان تُطرف العين* – «в мгновение ока», букв. «прежде, чем моргнет глаз». Быстрота действия ассоциируется в арабском и даргинском языках также и с движением ног: *къяшми чIехIедизли* – букв. «так, чтобы ноги не были видны», т.е. «очень быстро»; *ца къяш итаб, ца къяш ишаб* – букв. «одна нога – там, одна нога – здесь», т.е. «очень быстро»; *طار يسلم* – «бежать во все лопатки», букв. «полетел, передавая ветру свои голени (ноги)»; *جرى ملء ساقيه* – «бежать во всю прыть, удирать во все лопатки», букв. «бежать количеством, которое наполняет обе голени (ноги)».

3.3.2. СФЕ, обозначающие начало какого-либо периода времени

Метафорическим компонентом, чаще всего ассоциируемым с началом того или иного периода, в обоих языках выступает соматизм голова: *бекIличIбад бехIбихъа* – букв. «с головы начни», т.е. «начни сначала»; *رأس القرن* – «начало века», букв. «голова века»; *رأس السنة* «Новый год», букв. «голова года». В языковом сознании арабов начало ассоциируется также и с шеей: *عُنق الصيف* – «начало лета», букв. «шея лета». Противоположная семантика, т.е. обозначение конечного периода времени, в арабском языке связана с соматизмом пятка: *في أعقاب القرن الماضي* – «в конце прошлого века», букв. «в пятках прошлого века».

3.3.3. СФЕ, обозначающие возраст человека

В образной основе СФЕ, обозначающих *старость* в даргинском и арабском языках, лежит нога, находящаяся на краю могилы: *ца къяшли хIябла ваибил* – букв. «одной ногой дошедший до могилы», т.е. «очень старый»; *رجله و القبر* – «он одной ногой в могиле (очень старый)», букв. «его нога и могила». В арабском языковом сознании старость связывается также с

истощением костей: *بَرَى الدهرُ عظمه* – «песок сыплется (о старости)», букв. «истощила эпоха его кости».

Зрелый возраст в языковом сознании даргинцев и арабов метафорически связан с тем, что человек крепко стоит на обеих ногах: *кьяшмачи кайзес* – букв. «встать на ноги», т.е. «выйти в люди»; *أوقفه على قدميه* – «поставить на ноги», букв. «поднимать, ставить на обе стопы (ноги)». Интерес представляет СФЕ даргинского языка, где возраст полного расцвета сил ассоциируется с периодом «созревания» костного мозга: *лигала мехIе бицIили саби* – букв. «костный мозг созрел», т.е. «человек в полном расцвете сил». В арабской языковой картине мира у человека, который вырос, стал сильным крепнет *рука* (предплечье): *اشتدَّ ساعده* – «вырасти, войти в силу», букв. «усилилась, окрепла его рука (предплечье)». *Младенческий возраст* и этапы развития мышления у ребенка демонстрирует СФЕ даргинского языка *дяхI далан ветаур* – букв. «стал узнающим лицо», т.е. «ребенок стал узнавать родителей в лицо (подросток)». В арабском языке кодификатором раннего детства во фразеологической репрезентации выступает соматизм *ظفر* «ноготь»: *منذ نعومة الأظفار* – «с раннего детства», букв. «с мягкости ногтей».

3.3.4. СФЕ, обозначающие продолжительность времени

В языковой картине мира даргинцев отсчет продолжительности времени идет с первых шагов ребенка: *кьяш кабизурла барибси* – букв. «сделанное с тех пор, как нога встала», т.е. «с ранних времен».

В арабском языке продолжительность времени связана с семантикой таких ядерных компонентов СФЕ, как *эпоха*, *век*, а также соматизмов *рука* и *лицо*. Временной код наслаивается также и на предметный, телесный и другие коды: *لا أفعله يد الدهر* – «никогда я этого не сделаю», букв. «я не сделаю это рукой эпохи, века»; *على وجه الدهر* – «постоянно, вечно», букв. «на лице эпохи, века».

3.3.5. СФЕ, обозначающие время суток

В СФЕ отразились архетипические представления об определении времени по движению солнца и луны. Если Солнце наделяется качествами источника существования на Земле, то Луна служила для определения времени в течение месяца, являлась основой календаря: *берхIила хIули гIелабикайчи* – букв. «пока глаз солнца не зайдет», т.е. «пока солнце зайдет»; *وجه النهار* – «днем», букв. «лицо дня»; *أوجه القمر* – «фазы луны», букв. «лица луны». Интерес представляет обозначение понятия «сутки» в арабском языке: *الردفان* – «день и ночь», букв. «обе ягодицы».

3.4. Предметный код в СФЕ даргинского и арабского языков

В зависимости от семантики характеризующего соматизм предметного компонента выделены следующие группы СФЕ:

3.4.1. Названия предметов быта, орудий

СФЕ, семантически ориентированные на описание внешности человека или характеристику человека, содержат компоненты-названия бытовых предметов (посуды, мебели, инструментов и т.д.). Достаточно часто такие фразеологизмы содержат отрицательные коннотации: *кIуцIулгъунти кьяшмира сайра* – букв. «с

ногами как ложки», т.е. «с тонкими ногами»; *кьулсагьунти дяхЛа велI* – букв. «с лицом величиною в ложку», т.е. «о человеке с маленьким лицом».

Лексемы *саван* и *меч* символизируют страх и угнетение в составе СФЕ даргинского языка: *бихьри хьябла дигьунсиван* – букв. «будто саван на шею привязали», т.е. «с большим страхом»; *хьябаначи тур чебихьиб* – букв. «к шеям меч приставили», т.е. «о притеснении, угнетении».

Компоненты *гвоздь*, *клин*, *нож* в составе следующих СФЕ даргинского языка символизируют боль, неприятности: *уркIлизи гамила гIябул кабяхьиб* – букв. «в сердце корабельный гвоздь забил», т.е. «причинил большое горе, обиду»; *уркIила кьярда кабяхьиб* – букв. «в сердце клин забил», т.е. «причинил боль кому-либо, обидел»; *уркIлизи дис атIунхIеливан* – букв. «словно в сердце нож вонзился», т.е. «очень больно, обидно, неприятно» .

3.4.2. Названия металлов, минералов

В составе ФЕ данной группы встречаются единицы, внутренняя форма которых построена на алогизме, т.е. в которых содержится семантический «конфликт» между составляющими компонентами. Красивая женщина в даргинском языковом сознании предстает в образе той, у которой «серебряное» горло: *кьякьяри арцла* – букв. «с серебряным горлом», т.е. «женщина привлекательной внешности». Красота глаз подчеркивается даргинцами в сравнении с черным *янтарем*: *цIудара юсрула хIулби* – букв. «из черного янтаря глаза», т.е. «красивые глаза». Прозрачность чистой воды также символизирует в даргинском языке красоту женских глаз: *амьурти шингьуна хIулбар* – букв. «с глазами словно чистая вода», т.е. «о девушке с красивыми глазами». Красивая женская фигура вызывает у даргинцев ассоциации с *фарфором*: *мар чинайла чархла регI* – букв. «с телом из настоящего фарфора», т.е. «о девушке с очень красивой и грациозной фигурой».

Отрицательные коннотации в составе даргинских ФЕ, описывающих внешность или характер человека, связаны с *камнем*: *кьяркьала дяхЛа велI* – букв. «имеющий каменное лицо», т.е. «о бесчувственном и жестоком человеке»; *кьяркьала уркIи* – букв. «каменное сердце», т.е. «о бесчувственном и жестком человеке»; положительная коннотация – со *сталью*: *шанданна уркIи* – букв. «стальное сердце», т.е. «храбрый, бесстрашный человек». *Золото* символизирует всё позитивное, а *серебро* – то, что противостоит этому хорошему: *мургы душусира – мухIли, арц душусира – мухIли* – букв. «и золото плетет рот, и серебро плетет рот», т.е. «все делает язык». Внутренняя форма данной ФЕ связана с традиционным для даргинцев промыслом златокузнецов. Дагестанский аул Кубачи славится на весь мир своими изделиями из золота и серебра.

3.4.3. Названия предметов

Интерес представляет даргинская СФЕ, содержащая предметный компонент: *кьяш варгыла бетаур* – букв. «нога войлочной стала», т.е. «нога онемела». *Войлок* – широко применяемый в старину дагестанцами материал, представляющий собой сваленную плотно овечью шерсть. Из него делали бурки, которые защищали чабанов и в стужу, и в дождь, а также обувь и т.д. Как показывает семантика анализируемой ФЕ, помимо своей основной функции и предназначения, которые человек создал для вещи, она еще может содержать в себе и символические значения. Этот символизм и является важным звеном этнической культуры.

В арабском языке эта группа предметной символики представлена СФЕ с компонентами *глина, тесто, пепел*: جعل أذنا من طين و أخرى من عجين – «пропускать мимо ушей», букв. «сделать одно ухо из глины, другое – из теста» (на наш взгляд, мотивационной базой для данной СФЕ могло послужить то, что глина и тесто не являются проводниками звука); ذر الرماد في العيون – «пускать пыль в глаза», букв. «сыпать, посыпать пепел в глаза».

3.4.4. Названия небесных светил

Названия небесных светил – это один из самых древних пластов, входящих в основной словарный фонд любого языка. В составе СФЕ даргинского языка встречаются лексемы *луна, солнце*, функционирующие как компаративные компоненты: *бацван дяхІра сайра* – букв. «с лицом как луна», т.е. «с привлекательным лицом»; *берхІван ухути хІулби* – букв. «глаза, блестящие как солнце», т.е. «о веселом симпатичном». Ассоциативная связь между солнцем и чувством голода проявляется в следующей даргинской СФЕ: *канила берхІли бухъун* – букв. «в животе солнце засветило», т.е. «начал ощущать чувство голода». Солнце и луна в даргинском языковом мышлении связаны с положительной коннотацией.

3.4.5. Названия частей тела

Кодирование культурного пространства посредством знаков-символов человек начинает с самого себя. В СФЕ анализируемых языков функционируют соматизмы, которые могут быть образной основой для номинации другой части тела, в которых отразилась специфика ассоциативных связей и отношений в каждом языке: *хъябла чІала* – букв. «палочка шеи», т.е. «шейный позвонок»; *къям-лига* – букв. «тарелка-кость», т.е. «коленная чашечка»; *кани кІинкІ* – букв. «живот голень», т.е. «выпуклость голени»; *ألية القدم* – «стопа, ступня», букв. «ягодица ноги»; *راحة اليد* – «ладонь», букв. «спокойствие руки»; *فم المعدة* – «впадина под ребрами, ложечка», букв. «рот желудка» и др.

Этнолингвистическую особенность образного мышления арабов демонстрируют СФЕ – названия частей тела, компонентами в которых выступают названия близких родственников: *بنت العين* – «слеза», букв. «дочь глаза»; *بنت الشفة* – «слово», букв. «дочь губы»; *بأم العين* – «воочию», букв. «матерью глаза» и др. Интерес представляет в арабском языке символика дружбы и мира, связанная с мизинцем в составе СФЕ *عقد خنصره بخنصره* – «объединяться с кем-либо», букв. «связать свой мизинец с мизинцем кого-либо».

3.5. Растительный код в СФЕ даргинского и арабского языков

Фразеологические единицы с фитонимическим компонентом отражают наблюдения человека за растительным миром, фиксируя в них различные образы, ассоциации, а также знания и опыт их применения. Красивые женские глаза в даргинском языковом сознании метафорически ассоциируются с *виноградом, горными цветами*, губы – с *черешней*: *тІутІи-мяхІярла хІулбар* – букв. «с глазами как виноград», т.е. «о девочке с красивыми глазами»; *дубурла вавниван хІулби ухути* – букв. «с глазами, блестящими как горные цветы», т.е. «девушка с блестящими (красивыми) глазами»; *бягІлигъуна кІунтІбар* – букв. «с губами словно черешня», т.е. «о красивой девушке с красивыми губами». Глупость в языковой картине мира даргинцев ассоциируется с *соломой* в голове, а также с большой головой, сравниваемой с *тыквой*: *бекІлар цІук сари* – букв. «в голове солома», т.е. «дурная голова, глупый»; *къабакъ бекІ* – букв. «с головой как тыква (тыкво-

головый)», т.е., «глупый человек». *Арбуз* по своей форме и размерам создает отрицательный стереотип оценки формы глаз человека в даргинском языке: *вякба хлулбар* – букв. «с глазами как арбуз», т.е. «пучеглазый». *Груша* в компаративной СФЕ даргинского языка выступает как предмет желаний, мечты: *синкала уркИличибил хъярван* – букв. «как груша в сердце медведя», т.е. «о том, что является предметом желания, мечты».

Наряду с однословными наименованиями в даргинском языке функционируют и составные фитонимические названия со структурой двухкомпонентных субстантивных словосочетаний, ядерными компонентами которых выступают соматизмы, употребленные с метафорическим сдвигом: *ачИалла бекI* (хайд.) «колос пшеницы» (букв. «пшеницы «голова»); *ккатала лихИнти* (муир.) «шалфей» (букв. «кошачьи уши») [Темирбулатова 2015:14].

В названиях фитонимов арабского языка отражен *телесный* код, который связан также с *зооморфным* и *антропным* кодами. В составе выявленных нами фитонимических СФЕ арабского языка представлены следующие соматизмы: **палец**: أصابع العنّاء – *бот.* «дигиталис, наперстянка», букв. «пальцы девы»; خنّصر العروس – *бот.* «вика, горошек», букв. «мизинец невесты»; **ладонь**: كفّ الذئب – «горечавка», букв. «ладонь (лапа) волка»; كفّ العنّاء (كفّ مريم) – *бот.* «иерихонская роза», букв. «ладонь девы (ладонь Марии)»; **глаз**: عين القطّ – «ромашка», букв. «глаз кота, кошки»; عين الشمس – *бот.* «ноготки, календула», букв. «глаз солнца»; عين الجمل – «грецкий орех», букв. «глаз верблюда»; **язык**: لسان العصفير – *бот.* «ясень обыкновенный», букв. «язык маленьких птичек»; لسان الحَمَل – *бот.* «подорожник», букв. «язык ягнёнка»; **ухо**: أذان الفأر – «незабудка», букв. «уши мыши»; أذان الذئب – *бот.* «медвежье ухо», букв. «уши медведя»; **зуб**: سنّ الأسد – «одуванчик», букв. «зуб льва»; سنّ الفول – «стручок бобов», букв. «зуб бобов»; **кровь**: دم الغزال – *бот.* «драконова кровь (смола)», букв. «кровь газели»; شجرة الدم – *бот.* «красный корень», букв. «дерево крови»; **нос**: أنف العجّل – *бот.* «львиный зев», букв. «нос теленка»; **волос**: شعرة الأرض – *бот.* «венерин волос», букв. «волос земли»; **лоб**: جبهة المدينة – *бот.* «кипарис», букв. «лоб города»; **ягодица**: أعجاز النخل – «пальмовые корни», букв. «ягодицы пальмы»; **нога**: رجل الارنب – *бот.* «клевер полевой», букв. «нога кролика»; **колени**: أبو ركبة – *бот.* «кольраби», букв. «отец колена».

3.6. Числовой код в СФЕ даргинского и арабского языков

Анализ СФЕ с числовым кодом в даргинском и арабском языках обнаруживает наложение категории числа с несколькими культурными кодами. Наиболее высокую степень фразеобразовательной активности в рассматриваемых единицах показывают в даргинском языке числительные *ца* «один», *кIел* «два», *авал* «четыре», *шел* «пять», *верхIел* «семь» и *авцIали* «сорок».

Число *ца* «один», являясь образной основой СФЕ даргинского языка, может: **а)** обозначать усиление важного для человека в какой-либо ситуации признака (действия) в кратное количество раз, что создается противопоставлением чисел *ца/кIел* «один/два», *ца/авцIали* «один/сорок»: *ца хлуйзирад кIел хлули дарили* – букв. «из одного глаза два глаза сделал», т.е. «очень внимательно присматриваясь»; *ца хлуйзирад авцIали хлули дарили* – букв. «из одного глаза сорок глаз сделал», т.е. «очень внимательно присматриваясь»; **б)** выступать в значении неопределенного артикля (хотя самой этой грамматической категории нет в даргинском языке): *ца чIянкIли лезми леб* – букв. «только один язык есть», т.е. «го-

ворить может, хотя и не может двигаться»; **в)** обозначать мизерное количество чего-либо: *ца цулаличи* – букв. «на один зуб», т.е. «очень мало».

Символика числительного واحد «один» в составе СФЕ арабского языка отличается семантикой единения, единого целого, неделимого: عملوا يدا واحدة – «действовать рука об руку», букв. «работать, делать одной рукой (как одна рука)»; كان يدا واحدة – «действовать заодно», букв. «быть одной рукой» и др.

Единодушие и дружбу символизирует числительное *ца* «один» и в даргинском языке: *ца мухЛилизибадван гъайбикли* – букв. «будто с одного рта разговаривали», т.е. «все одно и то же твердили»; *кЛел уркли ца дарили* – букв. «два сердца соединив воедино», т.е. «вместе, дружно делать одно дело» и др.

Вместе с тем числительное *один* в арабских СФЕ символизирует также и одиночество, отсутствие опоры, поддержки, неполноценность каких-либо действий: يد واحدة لا تصفق – «один в поле не воин», букв. «одна рука не хлопает»; شعرة واحدة لا تعمل لحية – «один волос не делает бороды». Число *один* в СФЕ арабского языка может указывать на отрицательный результат: يمشى يد من وراء و يد من فؤاد – нар. «он ушел ни с чем», букв. «идет, одна рука сзади, одна рука спереди».

Числовой компонент اثنان «два» в арабском языке и *кЛел* «два» в даргинском символизируют двуличность: ذو الوجهين – «двуличный», букв. «обладатель двух лиц»; *кЛел бяхЛа адам* – букв. «человек с двумя лицами (двуличный), т.е. «двурушник», «нехороший человек». В арабском языке данный числовой компонент символизирует также устойчивость, крепкое положение в обществе: أوقفه على قدميه – «поставить на ноги», букв. «поднимать, ставить на обе стопы (ноги)» и др.

Числительное *три* в составе следующей даргинской СФЕ выступает маркером сомнений, раздумий: *хЛябал шайчи уркли бутлили* – букв. «на три части сердце разделив», т.е. «находиться в сомнениях, раздумьях».

Число *семь* имеет сакральное значение как в арабском, так и в европейских и дагестанских языках. В даргинском языке число *семь* в благопожеланиях связано с позитивной коннотацией: *верхЛел уришила неш ретааби* – букв. «чтобы стала матерью семи сыновей» (желают невесте в день свадьбы). Число *семь* в СФЕ даргинского языка, наряду с семантикой множества, реализует и временную семантику: *ятимла верхЛел кани дирар* – букв. «у сироты семь животов бывает», т.е. «сирота всегда голодный». Следующая даргинская СФЕ с числовым компонентом *семь* репрезентирует бессмертие: *верхЛел бекЛа вегЛ* – букв. «имеющий семь голов», т.е. «бессмертный».

В языковом сознании даргинцев числа *десять* и *тысяча* ассоциируются с переживаниями, раздумьями: *уркли вецЛал шайчи буртлули саби* – букв. «сердце на десять сторон делится», т.е. «душа разрывается»; *азир пикриличи уркли бутлили* – букв. «на тысячи мыслей сердце разделив», т.е. «с многими раздумьями, переживаниями». В арабской СФЕ число *тысяча* выступает маркером внимательности: نظر بألف عين و عين – «смотреть во все глаза», букв. «смотреть тысячи глазами и одним глазом».

Анализ нумеративных компонентов в составе ФЕ позволяет отметить, по мнению И.П. Кудрявцевой, «уход этих слов от счетной функции и появление новых дополнительных смыслов» [Кудрявцева 2019: 126].

3.7. Цветовой код в СФЕ даргинского и арабского языков

Лексика цветообозначения – это один из основных культурноносных пластов языка. Несмотря на универсальность в системе номинации цветообозначения, обусловленной единообразием ментальных процессов у различных народов, языковой материал фиксирует специфику символики цвета во вторичных номинациях. Касаясь вопросов отражения наивной картины мира в языке, Ю.Д. Апресян приводит интересные экспериментальные данные исследователя Timothy (Timothy G. Greenwood: 1993) «... о различиях в культурных ассоциациях и реакциях на тот или иной цвет в разных государствах при эксплуатации компьютеров с цветными экранами: *красный цвет* в США – опасность, во Франции – аристократия, в Египте – смерть, в Индии – жизнь и творчество, в Японии – гнев и опасность, в Китае – счастье; *белый цвет* в США – чистота, во Франции – нейтральность, в Египте – радость, в Индии – смерть и чистота, в Японии – смерть, в Китае – смерть и чистота» [Апресян 1995: 38]. Исследуемый нами материал даргинского и арабского языков содержит небольшое количество СФЕ с колоративными компонентами, корреспондирующими различную цветовую символику.

Черный цвет несет резко негативную оценку как в арабском, так и в даргинском языках. В даргинском языковом сознании цветовую символику содержат эмотивные СФЕ. Ненависть в даргинском языке соотносится с чернотой *лица*, а в арабском – с чернотой *печени*, ср.: *цудара дял* – букв. «черное лицо», т.е. «ненавистное лицо, ненавистный человек»; *أسود الكبد* «злостный, питающий ненависть; завистливый», букв. «с черной печенью». Черный цвет в арабской языковой картине символизирует отрицательные эмоции, горе и страдания: *إسودت عينيه* – «рвать на себе волосы», букв. «мир почернел в его глазах».

Символическое употребление прилагательных цветообозначения в составе ФЕ арабского языка отмечает и В.С. Морозова: *al-mawt al-abyad* «белая смерть», т.е. «естественная или внезапная смерть, когда болезнь не успела изменить цвет лица»; *al-mawt al-ahmar* «красная смерть», т.е. «насильственная смерть»; *al-mawt al-aswad* «черная смерть», т.е. «смерть от удушья». Интересно также и то, что голубой цвет в ФЕ арабского языка символизирует вражду [Морозова 1985: 108-109].

В даргинском языке с колоративом *черный* в составе СФЕ связаны также номинации «стыд, позор»: *дял цудардиуб* – букв. «лицо почернело», т.е. «оказался перед людьми в неудобном положении, было стыдно». В даргинском языке некоторые СФЕ с цветообозначением *черный* имеют положительную коннотацию в отношении к цвету глаз: *ну кеварира хлела цудара хлулбани* – букв. «меня опьянили твои черные глаза», т.е. «я влюбился в тебя»; *цудара юсула хлулби* – букв. «из черного янтаря глаза», т.е. «красивые глаза».

Красный цвет в даргинском и арабском языках также репрезентирует стыд, позор: *дял хунтленхледиахуб* – букв. «не заставил лицо покраснеть», т.е. «не заставил стыдиться»; *إحمرّ وجهه* – «ему стало стыдно», букв. «покраснело его лицо».

Белый цвет в арабском языке символизирует уважение, почтение, доброту: *بيّض وجهه* – «проявить почтение», букв. «белить, отбеливать чье-либо лицо»; *صاحب الأيدي البيضاء* – «благодетель», букв. «хозяин, владелец белых рук»; *الأيدي البيضاء* – «заслуги», букв. «белые руки»; *أبيض القلب* – «добрый, доброжелательный», букв. «с белым сердцем».

В даргинской лингвокультуре символика белого цвета актуализирует концепт женской красоты и невинности, создавая образы путем сочетания с другими кодами культуры, чаще зооморфными: *михъири цѳуба чатла* – букв. «ласточка с белой грудью», т.е. «об очень красивой и нежной девушке»; *хъяб хъанцла цѳуб мукъара* – букв. «белый ягненок с голубой шеей», т.е. «о нежной и кроткой девушке»; *цѳуб арицла лагъа* – букв. «голубка из белого серебра», т.е. «о красивой, любимой девушке»; *цѳуб арицла андайла регI* – букв. «со лбом из белого серебра», т.е. «об очень красивой белолицей девушке». Как видно из примеров, белизна выступает обязательным атрибутом внешней красоты.

Как показывает проведенный нами анализ, ядерными колоративами в СФЕ даргинского и арабского языков являются *черный, красный и белый*, которые несут положительную и/или отрицательную символику.

В главе 4. «**Типология межъязыковых соответствий СФЕ в даргинском и арабском языках**» рассматриваются вопросы эквивалентности СФЕ даргинского и арабского языков.

Впервые термин «межъязыковые фразеологические эквиваленты» употребил Ю.А. Долгополов, который относил к ним фразеологические единицы, совпадающие по своей семантике, образной основе и стилистической окраске [Долгополов 1973: 207].

Изучение фразеологизмов на материале двух или более языков, относящихся к разным языковым системам, позволяет выявить как общие, так и отличительные особенности, а также как универсальное, так и национально-своеобразное в языковых картинах мира, что представляется серьезным вкладом в общую теорию языка.

Исходя из существующих подходов определения межъязыковых соответствий в научной литературе [Райхштейн 1980; Солодухо 1982; Мокиенко 1989; Арсентьева 1989; Амна 1998; Добровольский 2011 и др.], мы выделяем в исследуемых нами даргинском и арабском языках следующие виды эквивалентных СФЕ: 1) **полные эквиваленты** – фразеологические единицы даргинского и арабского языков, совпадающие семантически, образной основой, компонентным составом и грамматической структурой. При учете последнего признака, надо иметь в виду, что даргинский и арабский – типологически различные языки и на уровне синтаксиса (даргинский – эргативный, арабский – номинативный) полного соответствия грамматических категорий может и не быть; 2) **частичные эквиваленты** – фразеологизмы, имеющие одинаковое значение, образную основу, но различающиеся компонентным составом (при сохранении ядерного соматического компонента), морфологическими особенностями или структурно-грамматической организацией; 3) **аналоги** (синонимы) – фразеологизмы, сходные по значению, но различные по структуре, компонентному составу и образной основе; 4) **безэквивалентные** – фразеологизмы, имеющие нулевую эквивалентность, т.е. фразеологические лакуны.

4.1.1. Полные фразеологические эквиваленты даргинского и арабского языков

Лингвокультурологический анализ с точки зрения общности СФЕ даргинского и арабского языков позволил выявить следующие полные фразеологические эквиваленты: *бехI лезмиличб* – букв. «на кончике языке», т.е. «не

вспомнится никак»; *على طرف اللسان* – «на кончике языка (не вспомнится никак)», букв. «на кончике языка» / *бекIличибад кьяшмачи бикайчи* – букв. «с головы до ног», т.е. «полностью, целиком»; *من الرأس إلى القدم* – «с ног до головы (полностью, целиком)», букв. «с головы до ноги» / *бугаси лезмила* – букв. «с острым языком», т.е. «острый на язык», «за словом в карман не полезет»; *حادّ اللسان* – «острый на язык», букв. «с острым языком»; *لاذع اللسان* – «острый на язык», букв. «с острым, колким языком» и др.

Полную эквивалентность в исследуемых языках демонстрируют чаще всего СФЕ, в основе которых лежит совпадение метафорического переноса значения, схожего восприятия функций или ассоциаций, связанных с тем или иным соматическим компонентом, например, СФЕ модели N+N: *итан жершила цула* – букв. «зуб чеснока», т.е. «зубок (долька) чеснока»; *кани кIинкI* – букв. «живот голень», т.е. «выпуклость голени»; *سنّ الثوم* – «зубок (долька) чеснока», букв. «зуб чеснока»; *بطن الرجل* – «икра ноги», букв. «живот ноги». Синтаксические структуры рассмотренных ФЕ представляют собой модели субстантивных словосочетаний, лексические компоненты которых взяты в отдельности и вне фразеологического употребления соотносительны.

Образной основой следующих эквивалентных СФЕ исследуемых языков является невербальные средства – поза человека с гордо поднятой головой, хотя ядерная сема здесь связана с соматизмом *нос: кьянкъ ахъбурцес* – букв. «нос поднимать, задирать», т.е. «зазнаваться, важничать»; *شَمَخَ بِأَنفِهِ* – «смотреть свысока, задирать нос», букв. «поднимать, задирать нос». Ср. также следующие примеры: *бекI арицахъур* – букв. «голову заставили полететь», т.е. «отрубили голову, убили»; *أَطَارَ رَأْسَهُ* «отрубить, снести голову», букв. «заставить голову полететь». Несмотря на то, что в арабском языке в препозиции находится глагольный компонент, данные фразеологизмы совпадают по семантике, образной основе, стилистической отнесенности и компонентному составу (за исключением наличия у арабского глагола предлога управления дополнением).

Как показывает межъязыковой структурно-семантический анализ СФЕ даргинского и арабского языков, в основе вторичной номинации чаще всего лежит метафора, которая рассматривается в настоящее время не только как средство украшения языка, но и как когнитивное средство формирования картины мира. Вторичные значения соматизмов в составе фразеологических единиц тесно связаны со сложными ассоциациями, которые во многом трансформируют те отношения, которые существуют в пределах этого слова и вне ФЕ, отражая при этом этнолингвистические особенности того или иного языка.

4.1.2. Частичные фразеологические эквиваленты даргинского и арабского языков

Анализ СФЕ даргинского и арабского языков позволил выделить следующие разновидности частичной эквивалентности:

1) СФЕ с морфологическим варьированием

Следующие СФЕ даргинского и арабского языков демонстрируют варьирование граммема числа компонента «рука»: *някъби дигъес* – букв. «руки связать», т.е. «лишать возможности действовать, поступать свободно,

независимо»; غلّ يده – «связывать руки (не давать сделать что-либо)», букв. «связать его руку» (в даргинском примере соматизм рука употреблен в форме множественного числа, в арабском – в форме единственного числа). Ср. также следующие СФЕ: *бухъяна лезми* – букв. «длинный язык», т.е. «сплетник, сплетница»; الألسنة الطويلة – «сплетники», букв. «длинные языки». Варьируемые компоненты демонстрируют типологические особенности анализируемых языков: в даргинском языке существительное *лезми* «язык» употреблен в форме единственного числа III-его класса (класс неодушевленных предметов, животных, птиц, насекомых и т.д.), в арабском языке существительное لسان «язык» представлен формой множественного числа женского рода. Кроме того, в арабском варианте присутствует определенный артикль, в даргинском языке такой категории у существительного нет.

2) СФЕ с лексическим варьированием

Наибольшую частотность представляют частичные эквиваленты с лексической вариативностью, т.е. СФЕ, компоненты которых не обладают абсолютной устойчивостью, допускают ограниченный ряд лексических субституций, дающих серию ФЕ, частично различающихся по значению за счет заменяемого компонента. Следующие СФЕ со значением «глава, лидер, руководитель» являют собой свидетельство варьирования соматических компонентов «голова», «плечо», «рука», «нос», т.е. при тождестве указанного значения они демонстрируют различие компонентного состава: *дявила бекI* – букв. «голова войны», т.е. «военачальник»; *хъалибаргла бекI* – букв. «голова семьи», т.е. «глава (хозяин) семьи»; *шила бекI* – букв. «голова села, аула», т.е. «глава села, аула»; *ساعد القوم* – «глава нации», букв. «рука; предплечье нации»; *منكب القوم* – «лидер нации, народа», букв. «плечо нации, народа»; *أنف القوم* – «родоначальник», букв. «нос народа, нации». Для арабов *быть во главе чего-либо* означает еще и *быть на голове чего-либо*: ... على رأس – «во главе чего-либо», букв. «на голове чего-либо».

Соматизм *бекI* «голова» выступает в составе некоторых даргинских СФЕ, образованных по модели N+N, и как атрибутивный компонент со значением «главный, основной»: *бекI бархли* – букв. «голова день», т.е. «главный, знаменательный день»; *бекI дев* – букв. «голова слово», т.е. «последнее (главное) слово» и др.

3) СФЕ со структурно-грамматическим варьированием

При тождестве значения и образной основы СФЕ даргинского и арабского языков отличаются структурно-грамматической моделью, ср.: *ца къяшли хIябла ваибил* – букв. «одной ногой дошедший до могилы», т.е. «очень старый»; *رجله و القبر* – «он одной ногой в могиле (старый)», букв. «его нога и могила». Структурно-грамматическое варьирование демонстрируют также и следующие СФЕ: *уркли къакъали саби* – букв. «сердце сжимается», т.е. «кошки скребут на душе»; *ضاق به قلبه* – «у него от этого сжалось сердце», букв. «его сердце от этого стало узким, тесным».

Различие типологических особенностей построения предложения демонстрируют следующие частичные эквиваленты даргинского и арабского языков: *бугIярдеш чархлизи атIун* – букв. «мороз в тело вонзился», т.е. «продрог или сильно испугался»; *سرت قشعريرة في البدن* – «мороз по коже продирает»,

букв. «по телу прошла дрожь»; *إنتظمت جسمه الرعدة* – «он задрожал всем телом» (от холода)», букв. «дрожь овладела его телом». Данные примеры отличаются порядком слов, а также глаголами *атлун* «вонзился», *سرت* «прошла» и *إنتظمت* «овладела». Варьируемые компоненты мороз и дрожь в данных СФЕ выступают контекстуально синонимичными лексемами – дрожь в теле, вызванная резким сужением сосудов как реакция на мороз (метонимический перенос – действие и его результат).

Следующие примеры также демонстрируют частичную эквивалентность со структурной вариативностью: *уркли кабикиб* – букв. «сердце упало», т.е. «сильно испугался»; *уркли дурабухъун* – букв. «сердце вышло», т.е. «сильно испугался»; *уркли дурабикиб* – букв. «сердце выскочило», т.е. «сильно испугался»; *غاص قلبه* – «сердце у него упало (от страха)», букв. «его сердце нырнуло, спустилось»; *أصبح قلبه بين رجليه* – «сердце у него ушло в пятки», букв. «его сердце оказалось между его ногами»; *أصبح قلبه في أطراف قدميه* – «сердце у него ушло в пятки», букв. «его сердце оказалось в кончиках его ног»; *هبط قلبه الى أخصصين* – «у него душа в пятки ушла, он очень перепугался», букв. «его сердце спустилось к частям ступней, не прикасающихся с землей»; *طار قلبه* – «перепугаться», букв. «сердце полетело». Варьирующими компонентами в данных эмотивных СФЕ являются глаголы *упасть, выйти, выскочить, нырнуть, спуститься, оказаться, полететь*, относящиеся к одной тематической группе глаголов движения, на основе общей семы «двигаться по направлению вниз» и содержат основное значение единицы, а на долю остальных компонентов приходится конкретизация точки «падения» и усилительно-экспрессивное значение. При установлении частичной или полной эквивалентности в глагольных СФЕ учитывался и тот факт, что начальной формой глагола в арабском языке является форма 3-го лица единственного числа мужского рода прошедшего времени.

Следующая пара частичных эквивалентов в даргинском и арабском языках различается также структурным варьированием: *къяш хлебашир* – букв. «нога не идет (к кому-то)», т.е. «об обиженном на кого-то человеке»; *قطع رجله من بيتهم* – «он к ним ни ногой, он перестал ходить к ним», букв. «он отрезал свою ногу из их дома». Обе СФЕ представляют модель простого предложения, но в арабском языке, как в языке высококонтекстуальном, семантика глагола «не идет» вытекает из значения еще одного устойчивого сочетания «отрезал свою ногу» (не идти – отрезать свою ногу [чтобы не ходить]). Если в даргинском языке семантика более нейтральна, то в арабском она отличается резким нарастанием действительности, отрицательной коннотацией – лишением ноги, т.е. той части тела, которая символизирует движение, перемещение.

4.1.3. Фразеологические аналоги даргинского и арабского языков

Фразеологическими аналогами Э.Ф. Арсентьева считает «ФЕ, выражающие одинаковое или близкое значение, но характеризующиеся полным различием или приблизительным сходством внутренней формы» [Арсентьева 1989: 106]. Исследованный нами материал даргинского и арабского языков позволил выделить следующие группы фразеологических аналогов:

1. СФЕ с близким или одинаковым значением, с общим соматическим компонентом, построенные по сходной структурной модели, например, следую-

щие единицы с общим значением «злоба»: *цулби кьярждирули сай* – букв. «зубами скрипит», т.е. «сильно разозлился»; *цулби цацладарили* – букв. «зажимая зубы», т.е. «стиснув зубы»; *صِرَّ على أسنانه* – «скрипеть зубами», букв. «издавать звук на зубах (от злости)»; *فَرَع سنّه* – «скрежетать зубами», букв. «стучать, бить в зуб (от злости)». Ср. также СФЕ с общей семой «улыбаться»: *цула чебаахъиб* – букв. «зуб показал», т.е. «стал улыбаться»; *ضحك حتى بدت نواجذه* – «смеяться во весь рот», букв. «смеяться пока не покажутся коренные зубы». В данных СФЕ присутствует общая сема «улыбаться», но внутренняя форма фразеологизма арабского языка подчеркивает степень раскрытия рта при широкой улыбке (пока не покажутся коренные зубы). Еще одна единица даргинского языка с тем же компонентным составом, но с морфологической вариантностью соматического компонента приобретает дополнительную сему «нагло улыбаться»: *цулби чедаахъиб* – букв. «зубы показал», т.е. «нагло улыбнулся».

Фразеологическими аналогами являются также и следующие СФЕ: *хИла душман* – букв. «враг крови», т.е. «кровный враг» и *ولى الدم* – «кровный мститель, ближайший родственник убитого», букв. «близкий по крови». Оба фразеологизма отражают существовавший у данных этносов обычай кровной мести, но в отличие от даргинского языка, в арабском языке конкретизируется круг лиц, на ком лежит обязанность кровной мести – это ближайший родственник убитого.

Семантика лежащей на человеке ответственности объединяет следующие СФЕ даргинского и арабского языков: *хъябла айсес* – букв. «на шею брать», т.е. «обещать, давать обещание что-либо сделать»; *дила хъяблаб саби ил секIал* – букв. «на моей шее находится эта вещь», т.е. «я должен за это дать ответ, я отвечаю за это»; *ردّ كَيْدَه على نحره* – «бить кого-либо его же оружием», букв. «возвращать его обман, козни на его же шею»; *على رقبته خمس بنات* – «у него пять дочерей», букв. «у него на шее пять дочерей». Внутренняя форма данной СФЕ связана с тем, что, по исламу, отец обязан обеспечивать дочь даже после ее совершеннолетия, пока он не выдаст ее замуж. Что же касается сына, то отец, по исламу, не обязан его содержать после достижения им совершеннолетнего возраста.

2. СФЕ с близким значением, но разным компонентным составом, разной синтаксической структурой, смыслообразующим центром которых выступают разные соматические компоненты, например, следующие единицы с общим значением «скупость»: *гъез гъяриан* – букв. «рассекающий волос», т.е. «об очень скупом человеке»; *никали хIяли усан* – букв. «ногтем сало режущий», т.е. «об очень скупом человеке»; *хIули хIелукъули* – букв. «глаз ненасытный», т.е. «о жадном и скупом человеке»; *يده ناشفة* – «он скуп», букв. «рука его высохшая, сухая»; *غَلَّت يَدُه الى عنقه* – образн. «он очень скуп», букв. «у него рука привязана к шее» и др.

Семантика «высокомерия и гордыни» объединяет следующие СФЕ даргинского и арабского языков: *сайчиб уркIи халаси саби* – букв. «сердце больше его самого», т.е. «очень гордый»; *дунъяцад уркIила веI* – букв. «имеющий сердце размером в мир», т.е. «об очень высокомерном, гордом человеке»; *رفع رأسه* – «поднимать голову», букв. «поднять свою голову (о проявлении самоуверенности или гордости)»; *مرفوع الرأس* – «с приподнятой головой», букв. «с поднятой головой (о самоуверенном или гордом человеке)».

Следующие СФЕ репрезентируют семантику «горя и печали»: *къянкъ сурбатес* – букв. «нос повесить», т.е. «находиться в печали»; *къянкъ къухІбуцес* – букв. «нос опускать», т.е. «находиться в расстроенном состоянии, огорчаться»; *تتفجر العيون للمصيبة* – «от горя глаза наполняются слезами», букв. «глаза разливаются, бьют ключом для беды, несчастья»; *أظلمت الدنيا في عينيه* – «рвать на себе волосы», букв. «мир потемнел в его глазах»; *مزق الأكباد* – «надрывать сердца», букв. «разрывать, рвать на куски печени (мн. ч.!)».

4.1.4. Безэквивалентные СФЕ даргинского и арабского языков

Особое внимание исследователи обращают на безэквивалентные фразеологизмы, в связи с трудностями их перевода с одного языка на другой.

Под «межъязыковой фразеологической лакуной» О.Г. Щитова и А.Г. Щитов понимают «...пробел, пустота, отсутствие полного эквивалента в одном языке по отношению к определенной языковой единице сопоставляемого языка» [Щитова, Щитов 2020: 161].

В даргинском и арабском языках выявлена группа СФЕ, представляющих нулевую эквивалентность, т.е. специфичных для каждого из исследуемых языков. Фразеологические единицы данной группы характеризуются не только включением в состав СФЕ слов, отражающих национальные реалии, традиционные занятия, прецедентные имена, обычаи, традиции, суеверные представления, но и наличием у того или иного компонента значения, чуждого другому языку.

Выявленные нами в даргинском и арабском языках безэквивалентные СФЕ образуют следующие две группы:

1. СФЕ (чаще всего фразеологические сращения), семантику которых можно передать с одного языка (источника) на другой язык (перевода) только дескриптивно, описательным способом. Данный способ перевода ФЕ дает больше возможностей раскрытия особенностей семантики передаваемой единицы. Но сохранить при переводе и передать коннотативные или эмоционально-экспрессивные оттенки, фоновые этнические знания, связанные с ядерным или периферийным компонентом ФЕ, при этом способе перевода сложно, например: *ذهبوا أيدي سبًا* – «разойтись по разным сторонам», букв. «уйти руками сабейцев (ист. южные арабы)». На наш взгляд, внутренняя форма данной СФЕ связана с историей о том, что царь сабейцев не находил себе покоя от зависти, что в Мекке есть Кааба, что все люди приезжают в Мекку и потому приказал построить у себя в Йемене нечто подобное Каабе. После этого сабейцы во главе со своим царем пришли в Мекку разрушить Каабу и привели с собой слона, так как понимали, что руками сделать это им будет крайне сложно. Когда сабейцы пришли в Мекку, Всевышний направил на сабейское войско огромную стаю птиц, которые забрасывали сабейцев камнями с высоты птичьего полета, после чего сабейцы, видимо, стали разбегаться по сторонам (возможно, прикрывая головы руками), не сумев ничего сделать с Каабой. Об этой истории рассказывается в Коране в суре *أصحاب الفيل* «Асхабу ль-филь».

Специфику языкового сознания даргинцев демонстрирует следующая СФЕ, в которой любимый юноша или девушка ассоциируются с жиром серд-

ца: *дила уркила хляли* – букв. «жир моего сердца», т.е. «о любимой девушке (юноше)». Внутренняя форма данной СФЕ связана с представлениями даргинцев о ценности и полезных свойствах внутреннего пленочного жира домашних животных, что отразилось в благопожеланиях и названиях блюд, например: *хляли-сирсан* букв. «жир скрученный» – блюдо у даргинцев, которое готовится из рубленой печени, завернутой в пленочный (обволакивающий внутренние органы животных) бараний или козий жир; *хула жан гьжжала хляй дак* – букв. «чтобы твою душу/жизнь козьим жиром намазали», т.е. «пожелание здоровья и долгих лет жизни»; *гьяшлизив мулкьон* – букв. «словно червяк в жире (курдюке)», т.е. «жить беззаботно и в достатке».

Безэквивалентными предстают и следующие СФЕ даргинского языка: *някьла удиб ца кьачла камхлебирар* – букв. «под рукой одна котомка всегда будет», т.е. «человек с дурными намерениями» (под котомкой имеется в виду специальная сумка пастуха или чабана); *ибан тлул* – букв. «палец для шитья», т.е. «указательный палец». Внутренняя форма данной единицы связана с функциональной нагруженностью указательного пальца при выполнении шитья или вышивки: именно на этот палец надевали колечко с углублениями (наперсток) при шитье. Этот же палец называют также *гьярус тлул* – букв. «русский палец», т.е. «указательный палец» (внутренняя мотивировка неясна). В арабском языке в основе номинации указательного пальца лежит предупредительный или ругательный жест: наименование указательного пальца *سبابة* [саббабатун] образовано от глагола *سب* [сабба] «ругать, поносить, оскорблять», что наталкивает на мысль о том, что семантика исходит из жестового знака. Специфику следующей СФЕ даргинского языка создает алогизм внутренней формы: *хьатлаб гидгари буцлахьул* – букв. «на ладони яйцо жарящий», т.е. «делающий все возможное ради кого-то».

2. СФЕ, семантика которых может быть передана на другой язык при помощи одной или нескольких лексем, т.е. лексическим способом. Некоторые из СФЕ данной группы могут быть переведены и с помощью калькирования: *ца канила кабихьунти* – букв. «в одном животе лежавшие», т.е. «родные (единоутробные) братья, сестры». Семантика выражения ничтожно малого количества чего-либо в СФЕ арабского языка выступают антонимичные колоративные компоненты белый-черный, ср.: *كالثعرة البيضاء في الثور الأسود* – «как капля в море», букв. «как белый волосок у черного быка».

Священное для каждого человека место – родина, у арабов ассоциируется с местом падения головы: *مسقط الرأس* – «родина», букв. «место падения головы» (мотивировка данной единицы связана с моментом рождения ребенка, когда он выходит из утробы матери головой вперед).

С древними обычаями и традициями арабов связана, на наш взгляд, образная основа арабской СФЕ со значением «умереть»: *لعلق إصبغته* – «умереть, скончаться», букв. «лизать, облизывать свой палец». Мы полагаем, опираясь на словарные материалы, что семантика отмеченной единицы связана с обычаем древних арабских племен. Так, в словарной статье глагола *لعلق* в толковом словаре арабского языка «аль-Му‘джам аль-Васит» (*المعجم الوسيط*) содержится информация о таких арабских племенах, как Абд ад-Дар (*عبد الدار*),

Махзум (مخزوم), Ади (عدى), Сахм (سهم), Джумах (جمع), которые вместе именуются как «облизывающие кровь» (لعقة الدم), так как, заключая союз между собой, они закалывали животное и облизывали его кровь (или же облизывали свои пальцы, ладони, окуная в кровь). В данном примере очевидна ассоциативная связь «смерть животного → смерть человека».

Как видно из приведенных примеров, при переводе ФЕ с языка-источника лексемами или набором лексем языка-рецептора наблюдается несоответствие плана выражения, стилистической коннотации или внутренней формы. Переводится только семантика. Универсальный характер символики ядерных соматических компонентов некоторых ФЕ с прозрачной внутренней формой дает возможность перевода калькированием.

Этноспецифическим характером внутренней формы обладает также следующая СФЕ даргинского языка: *лебилра адамти дяхI удибиуб* – букв. «все люди лицом вниз стали», т.е. «все люди умерли». Внутренняя форма данной фразеологической единицы, несмотря на прозрачность семантики отдельных компонентов, является затемненной. Думается, что в основе семантики данной единицы лежат суеверные представления, связанные как с распространением инфекционных болезней, так и проявлением неприязни, неуважения к усопшему.

С суеверными обычаями снятия сглаза связана и семантика следующей даргинской СФЕ: *уркли картлес* – букв. «сердце отлить», т.е. «снять испуг» (успокоить сердце путем народного средства, связанного с процедурой выливания свинца в воду).

СФЕ даргинского языка *бекI бурхли бяхъиб* – букв. «голову в потолок ударил», т.е. «стал семейным, обзавелся семьей, женился» также отражает семейные устои даргинцев, где прослеживаются традиционные обязанности мужчины – забота о доме и семье.

Традиции сватовства отразились и в следующей СФЕ даргинского языка: *бекI личи чекабигъун* – букв. «на голову привязали», т.е. «насильно выдали замуж». Внутренняя форма данной ФЕ связана с обычаем, когда при помолвке голову девушки покрывали платком. Сема «насильственности» здесь имплицитно связана с тем, что девушка в Дагестане не имела права выбирать жениха, за нее решали родители.

Безэквивалентный пласт фразеологизмов образуют в арабском языке названия некоторых артефактов и фитонимов: *كبد الأرض* – «руда, минералы», букв. «печень земли»; *جسم موصل* – *электр.* «проводник», букв. «связывающее тело»; *جسم عازل* – *электр.* «диэлектрик, изолятор», букв. «отделяющее тело»; *شفة الثور* – *бот.* «первоцвет», букв. «губа быка»; *أعجاز النخل* – «пальмовые корни», букв. «ягодицы пальмы».

В **заключении** формулируются теоретические выводы и подводятся итоги исследования соматического кода культуры в фразеологических картинах мира даргинского и арабского языков. Отмечается, что полученные результаты могут послужить основой для дальнейших общетеоретических, сопоставительных и типологических исследований фразеологии разноструктурных и генетически разных языков.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

I. Научные статьи в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, входящих в перечень ВАК Министерства науки и высшего образования РФ

1. Омаров А.А. Репрезентация предметного кода в соматических фразеологических единицах даргинского и арабского языков // *Modern Humanities Success (Успехи гуманитарных наук)*. – 2022. – № 1. – С. 144–148 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mhs-journal.ru>.

2. Омаров А.А. Соматические фразеологические единицы даргинского и арабского языков с зооморфным кодом культуры // *Мир науки, культуры, образования*. – 2021. – № 6 (91). – С. 424–426.

3. Омаров А.А. Сопоставительный анализ соматических фразеологизмов с компонентом «палец» в даргинском и арабском языках // *Гуманитарно-педагогическое образование*. – 2021. – Т. 7, № 1. – С. 24–30.

4. Омаров А.А. Межъязыковая эквивалентность даргинских и арабских соматических фразеологических единиц // *Гуманитарно-педагогическое образование*. – 2021. – Т. 7, № 1. – С. 31–36.

5. Омаров А.А. Семема «ухо» в репрезентации соматического кода культуры в даргинской и арабской фразеологических картинах мира // *Теоретическая и прикладная лингвистика*. – 2021. – Т. 7, № 2. – С. 80–91.

6. Омаров А.А. Соматический код культуры в даргинской и арабской фразеологических картинах мира (на примере семемы «лицо») // *Гуманитарно-педагогическое образование*. – 2020. – Т. 6, № 3–4. – С. 34–43.

7. Омаров А.А. Межъязыковое фразеологическое пространство соматизма «сердце» в даргинском и арабском языках // *Modern Humanities Success (Успехи гуманитарных наук)*. – 2020. – № 12. – С. 221–229 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mhs-journal.ru>.

8. Омаров А.А. Соматизм «рука» в даргинской и арабской фразеологических картинах мира // *Балтийский гуманитарный журнал*. – 2020. – Т. 9, № 4 (33). – С. 293–298.

9. Омаров А.А. Фразеологическая картина мира соматизма «зуб» в даргинском и арабском языках // *Modern Humanities Success (Успехи гуманитарных наук)*. – 2020. – № 10. – С. 185–190 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mhs-journal.ru>.

10. Омаров А.А. Семема «живот» в репрезентации соматического кода культуры во фразеологической картине мира даргинского и арабского языков // *Modern Humanities Success (Успехи гуманитарных наук)*. – 2020. – № 8. – С. 207–212 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mhs-journal.ru>.

11. Омаров А.А. Соматизм «рот» во фразеологической объективации наивной картины мира в даргинском и арабском языках // *Балтийский гуманитарный журнал*. – 2020. – Т. 9, № 3 (32). – С. 295–298.

12. Омаров А.А. Фразеологическое пространство соматизма «нога» в даргинском и арабском языках // *Балтийский гуманитарный журнал*. – 2020. – Т. 9, № 2 (31). – С. 294–296.

13. Омаров А.А. Соматизм «язык» в концептуализации языковой картины мира даргинцев и арабов // *Modern Humanities Success* (Успехи гуманитарных наук). 2019. № 8. – С. 182–187 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mhs-journal.ru>.
14. Омаров А.А. Концептуализация объективной реальности во фразеологическом пространстве соматизма «глаз» в даргинском и арабском языках // *Modern Humanities Success* (Успехи гуманитарных наук). 2019. № 7. – С. 218–224 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mhs-journal.ru>.
15. Омаров А.А. Соматизм «спина» во фразеологической репрезентации объективной реальности в даргинском и арабском языках // *Modern Humanities Success* (Успехи гуманитарных наук). – 2019. – № 5. – С. 261–263 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mhs-journal.ru>.
16. Омаров А.А. Фразеологическая картина мира соматизма «грудь» в даргинском и арабском языках // *Мир науки, культуры, образования*. – 2019. – № 1 (74). – С. 395–396.
17. Омаров А.А. Соматизм *خۇلى* «глаз» в концептуализации объективной реальности в даргинском языке // *Мир науки, культуры, образования*. – 2018. – № 6 (73). – С. 498–499.
18. Омаров А.А. Соматизм «голова» в концептуализации языковой картины мира даргинцев и арабов // *Мир науки, культуры, образования*. – 2018. – № 4 (71). – С. 547–549.
19. Омаров А.А. Фрагменты фразеологического пространства соматизма *عين* «глаз» в арабском литературном языке // *Мир науки, культуры, образования*. – 2018. – № 3 (70). – С. 550–552.
20. Омаров А.А. Фразеологическое пространство соматизма *бекI* «голова» в даргинском языке // *Мир науки, культуры, образования*. – 2018. – № 2 (69). – С. 555–559.
21. Омаров А.А. Соматизм *رأس* «голова» в концептуализации наивной картины мира арабов // *Балтийский гуманитарный журнал*. – 2018. – Т. 7, № 1 (22). – С. 117–120.

II. Научные монографии

1. Омаров А.А. Функциональная парадигма соматизма в формировании фразеологического кода языка (на материале разноструктурных языков). – Махачкала: Издательский центр «Полиграфия», 2022. – 156 с.

III. Другие научные статьи и материалы конференций

1. Омаров А.А. Даргинские и арабские фразеологизмы с компонентом-соматизмом «шея» // *Османовские чтения: материалы V Международной научно-практической конференции*. – Махачкала: Изд-во ДГУ, 2021. – С. 209–215.
2. Омаров А.А. Соматические фразеологические единицы с компонентом «волос(ы)» в репрезентации языковой картины мира даргинцев и арабов // *Стратегия научно-технологического развития России: проблемы и перспективы реализации. Сборник статей II Международной научно-практической конференции*. – Петрозаводск: МЦНП «Новая наука», 2021. – С. 39–43.

3. Омаров А.А. Языковая картина мира даргинцев и арабов (на примере фразеологизмов с соматизмом «горло») // Интеграция науки и образования: теория, методология, практика: материалы XXXIX Всероссийской научно-практической конференции. – Ростов-на-Дону: Приоритет, 2021. – С. 57–60.

4. Омаров А.А. Фразеологизмы даргинского и арабского языков с компонентами «тело» и «кожа» // Научное обозрение. Международный научно-практический журнал. – 2021. – № 6 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://srjournal.ru>.

5. Омаров А.А. Соматические фразеологические единицы с компонентом «кровь» в даргинском и арабском языках // Заметки ученого. – 2021. – № 11–1. – С. 31–34.

6. Омаров А.А. Межъязыковое фразеологическое пространство соматизма «ладонь» в даргинском и арабском языках // Science and technology innovations (Научно-технические инновации): сборник статей V Международной научно-практической конференции. – Петрозаводск: Новая наука, 2020. – С. 84–89.

7. Омаров А.А. Фразеологическое пространство соматизма لسان «язык» в арабском языке // Язык и литература в образовательном и культурном пространстве юга России и Кавказа: материалы II международной научно-практической конференции. – Грозный: ЧГПУ, 2019. – С. 148–151.

8. Омаров А.А. Соматизм ظهر «спина» в концептуализации объективной реальности в арабском языке // Язык и литература в образовательном и культурном пространстве юга России и Кавказа: материалы Международной научно-практической конференции. – Грозный: ЧГПУ, 2018. – С. 262–264.

9. Омаров А.А. История изучения и современное состояние фразеологии дагестанских языков // Проблемы семантики языков разных систем. Вып. 4. – Махачкала: Изд-во ДГУ, 2016. – С. 44–52.

10. Омаров А.А. Фразеология арабского языка: состояние изучения и актуальные проблемы // Проблемы семантики языков разных систем. Вып. 4. – Махачкала: Изд-во ДГУ, 2016. – С. 53–60.

11. Омаров А.А. Даргинские и арабские фразеологизмы с соматизмом «печень» // Теория и практика антропоцентрической парадигмы в современной лингвистике. Материалы региональной научной конференции. – Махачкала: Изд-во ДГУ, 2015. – С. 64–69.

В печать 19.05.2022. Формат 60x84 ¹/₁₆.
Печать цифровая. Бумага офсетная. 2.50 п.л.
Тираж 100 экз. Заказ № 178.

Отпечатан ИП «Binding2016»
360004, КБР, г. Нальчик, ул. Тургенева, 68.